

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный университет правосудия»
Северо-Кавказский филиал

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Правовое регулирование: история и современность»

(29 апреля 2021 г.)

Сборник статей

Краснодар
2022

УДК 340.1
ББК 67.041
П68

Ответственные редакторы:

Г.Ф. Гараева,
В.В. Ковалева

П 68 Правовое регулирование: история и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Правовое регулирование: история и современность» (29 апреля 2021 г.). Сборник статей / Отв. ред. Г.Ф. Гараева, В.В. Ковалева; СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2022. – 104 с.

ISBN 978-5-91718-699-3

В настоящем издании представлены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции с иностранным участием «Правовое регулирование: история и современность», состоявшейся 29 апреля 2021 г. в Северо-Кавказском филиале Российского государственного университета правосудия. Сборник содержит статьи, в которых рассмотрены актуальные проблемы правового регулирования в историческом и современном измерении.

Сборник научных статей рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов, практикующих юристов, а также для всех интересующихся проблемами правового регулирования.

ББК 67.041
УДК 340.1

ISBN 978-5-91718-699-3

© Коллектив авторов, 2022
© Оформление ООО «Издательский
Дом – Юг», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Адыгезалова Г.Э., Фарои Т.В. Роль судебной власти в современном правовом регулировании в Российской Федерации	5
Волик К.Б. Правовая ментальность и правовое регулирование	16
Гараева Г.Ф. Анализ правового регулирования в контексте развития идей правопонимания	21
Голубева Н.А. Правовое регулирование взаимодействия главы государства с исполнительной властью в контексте исторического развития	25
Гусарова М.А. Роль правосознания в процессе правового регулирования	31
Дарда А.В. Актуальные вопросы правоприменения в условиях цифровизации	35
Жамборова Д.В. Категория справедливости в правовом регулировании	42
Карапетян Л.А. Основы законодательства о Государственной Думе Российской империи начала XX в. через призму концепций политических партий о представительной власти	46
Ковалева В.В. Юридические средства правового регулирования в условиях развития высоких технологий	54
Мартыненко Б.К., Мартыненко Г.К. Правовое регулирование и правовое принуждение: границы соотношений	60
Микуленок Ю.А. Особенности правового регулирования в России в 20-е годы XX в. (на примере жилищного законодательства)	68

Палеха Р.Р.	
Право, правовое регулирование, правовое воздействие: интегративный подход	74
Сим А.В.	
Соотношение правового и индивидуального регулирования в сфере охраны прав и свобод личности	80
Стус Н.В.	
Народовластный ресурс в развитии правосудия: отечественный опыт правового регулирования	85
Терентьев И.А.	
Социокультурные основания правового регулирования	101

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Адыгезалова Г.Э.

доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Фарои Т.В.

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета имени А.А. Хмырова,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

01 июля 2020 г. состоялось общероссийское голосование, в результате которого был одобрен Закон РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹. Подобное голосование в России прошло впервые и обладает особенностями процессуального и содержательного характера. Судебная система также подверглась конституционным изменениям, актуализировав тенденции и ресурсы данной ветви государственной власти².

В ряде публикаций автора уже освещались проблемы обеспечения самостоятельности и независимости судебной власти в

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». – URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45280>

² См.: Баринов Э.Э. Конституционная реформа-2020: особенности процедуры и юридической техники / Э.Э. Баринов // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 8. – С. 3–8; Джавахян Р.М. Судебная власть: в поисках конституционного баланса / Р.М. Джавахян // Современное право. – 2020. – № 3. – С. 5–13.

России¹. В предлагаемой статье поставлена цель рассмотреть, как на это повлияла конституционная реформа 2020 г. Вызванные ею изменения в судебной системе уже нашли определенный отклик со стороны юридической общественности России, причем были высказаны различные точки зрения и оценки. Так, А.А. Талалаева и А.В. Михнюкевич полагают: «Представленные изменения в Конституцию Российской Федерации являются в некоторой степени новациями и находятся в русле прогрессивного и цивилизованного развития российского общества и государства. Судебная власть сохраняет конституционную стабильность и эффективное функционирование с одновременной модернизацией основных звеньев правосудия и определением своего места в единой системе публичной власти»². В дальнейшем можно убедиться, что данная точка зрения не является единственной среди отечественных ученых-правоведов.

Обратимся к положениям Закона РФ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Так, в статье 83 предусмотрено, что Президент РФ:

«е) представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Председателя Конституционного Суда

¹ См.: Фарои Т.В. Судебный контроль в РФ: дискуссионные аспекты // Право и практика. – М. : АНО «Науч.-иссл. ин-т истории, экономики и права». – 2017. – № 4. – С. 59–67; Фарои Т.В. Проблемы формирования судейского корпуса в Российской Федерации: позиции ученых-правоведов / Т.В. Фарои // Современная научная мысль. М. : АНО «Науч.-иссл. ин-т истории, экономики и права». – 2017. – № 6. – С. 284–291; Фарои Т.В. Квалификационные коллегии судей и проблема независимости судебной власти в РФ / Т.В. Фарои // Вестник Омской юридической академии. – Омск : ОмЮА. – 2018. – Т. 15. – № 2. – С. 130–136; Фарои Т.В. Квалификационные коллегии судей и проблема независимости судебной власти в РФ / Т.В. Фарои // Вестник Омской юридической академии. – Омск : ОмЮА. – 2018. – Т. 15. – № 2. – С. 130–136; Фарои Т.В. Некоторые административно-правовые вопросы обеспечения независимости судей: мнения ученых-правоведов // Вестник Омской юридической академии. – Омск : ОмЮА. – 2018. – Т. 15. – № 4. – С. 400–405.

² Талалаева А.А. Судебная система в контексте конституционной реформы 2020 года: некоторые вопросы модернизации / А.А. Талалаева, А.В. Михнюкевич // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 9. – С. 162.

Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации; назначает председателей, заместителей председателей и судей других федеральных судов»¹. Ранее в Конституции РФ (Пункт в ред. Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ) предусматривалось, что Президент РФ:

«е) представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации; назначает судей других федеральных судов»².

В новом Законе пункт «и» дополнен пунктом «е3» следующего содержания: «(Президент РФ) вносит в Совет Федерации представление о прекращении в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий»³. Ранее такие полномочия за Президентом РФ не закреплялись⁴.

В статье 102 пункт «ж» теперь изложен в новой редакции: «назначение на должность по представлению Президента Рос-

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

² Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М. : Проспект, 2019. – С. 18.

³ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

⁴ Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М. : Проспект, 2019. – С. 18.

сийской Федерации Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации»¹. Ранее пункт «ж» назначение на должность судей Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации относил к исключительному ведению Совета Федерации².

По мнению А.В. Саленко, новации нарушают равновесие властей и, с точки зрения полномочий и реальных механизмов влияния, наблюдается явное преобладание президентских прерогатив. Президент России не только назначает всех федеральных судей, но и имеет решающее влияние на наделение полномочиями председателей и заместителей председателей практически всех судов в Российской Федерации. Так, если в процессе назначения на должности Председателя и заместителя Председателя Конституционного Суда (КС) России и Верховного Суда (ВС) РФ его полномочия хотя бы теоретически уравновешены Советом Федерации, который вправе отклонить представленную Президентом кандидатуру, то такой баланс отсутствует в отношении нижестоящих судов, поскольку Президент РФ решает данный вопрос единолично, и при этом не связан рекомендациями Председателя Верховного Суда России и соответствующей квалификационной коллегии судей³. Поэтому А.В. Саленко сделал вывод: «Таким образом, на сегодняшний день внутренняя организационная структура практически всех судов подчинена фактически тотальному президентскому контролю, которому пока не подвержены только судьи субъектов Российской Федерации – мировые судьи и судьи конституционных (уставных) судов субъектов РФ, которые всё еще назначаются на должность законодательными

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

² Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М. : Проспект, 2019. – С. 22.

³ Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 02.08.2019) «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019). Ч. 6–8 ст. 6.1. – URL : <https://base.garant.ru/10103670>

(представительными) органами (парламентами) субъектов Российской Федерации по рекомендации региональных квалификационных коллегий судей»¹.

Возвращаясь к Закону от 14 марта 2020 г., следует отметить, что пункт «и» статьи 102 дополнен пунктом «л» следующего содержания: «Прекращение по представлению Президента Российской Федерации в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий»². Ранее такого пункта в Конституции РФ не было³.

Статья 118 часть 2 изложена в новой редакции: «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства»; часть 3 сформулирована следующим образом: «Судебная система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации. Создание чрезвычайных судов не допускается»⁴. Ранее часть 3 статьи 118 формулировалась более лаконично: «Судебная

¹ Саленко А.В. Конституционная реформа – 2020 и судебная власть: проблемы независимости и самостоятельности / А.В. Саленко // Социально-экономические и правовые исследования. – 2020. – Т. 6. – № 3. – С. 197.

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

³ Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М. : Проспект, 2019. – С. 22.

⁴ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

система Российской Федерации устанавливается Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Создание чрезвычайных судов не допускается»¹.

Статья 119 изложена в новой редакции: «Судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет, постоянно проживающие в Российской Федерации, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Судьям судов Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации. Федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации»². Ранее статья 119 гласила: «Судьями могут быть граждане Российской Федерации, достигшие 25 лет, имеющие высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет. Федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации»³.

По мнению правоведов, ограничения, наложенные на судей, как и на других должностных лиц, можно приветствовать. Однако они дадут результат лишь при распространении их также на супругов, детей и иных близких людей судей и иных должностных лиц. В ином случае, у судей, соблюдающих ограничения, «чисто случайно» родные и близкие окажутся весьма состоятельными людьми с коллекциями зарубежных счетов, недвижимости и гражданств.

Статья 125 часть 1 выглядит теперь следующим образом: «Конституционный Суд Российской Федерации является высшим

¹ Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М. : Проспект, 2019. – С. 27.

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

³ Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М. : Проспект, 2019. – С. 27.

судебным органом конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации состоит из 11 судей, включая Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и его заместителя»¹. Ранее часть 1 ст. 125 гласила: «Конституционный Суд Российской Федерации состоит из 19 судей»².

Часть 2 статьи 125 теперь изложена в следующей редакции: «Конституционный Суд Российской Федерации по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, одной пятой сенаторов Российской Федерации или депутатов Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации разрешает дела о соответствии Конституции Российской Федерации:

а) федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных актов Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации;

б) конституций республик, уставов, а также законов и иных нормативных актов субъектов Российской Федерации, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти Российской Федерации и совместному ведению органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации;

в) договоров между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, договоров между органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

² Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М. : Проспект, 2019. – С. 27.

г) не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации»¹.

В прежней версии части 2 статьи 125 в пункте «а» не фигурировали федеральные конституционные законы, остальной текст совпадает и внесенное дополнение не вызывает возражений².

В новом виде часть 4 статьи 125 предусматривает: «Конституционный Суд Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом, проверяет:

а) по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан – конституционность законов и иных нормативных актов, указанных в пунктах «а» и «б» части 2 настоящей статьи, примененных в конкретном деле, если исчерпаны все другие внутригосударственные средства судебной защиты;

б) по запросам судов – конституционность законов и иных нормативных актов, указанных в пунктах «а» и «б» части 2 настоящей статьи, подлежащих применению в конкретном деле»³.

Прежняя версия части 4 статьи 125 гласила: «Конституционный Суд Российской Федерации по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, в порядке, установленном федеральным законом»⁴.

Пункт «г» статьи 125 теперь дополнен частью 51 следующего содержания: «Конституционный Суд Российской Федерации:

а) по запросу Президента Российской Федерации проверяет конституционность проектов законов Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также принятых в порядке, предусмотренном частями 2 и 3 статьи 107 и частью 2 статьи 108 Конституции Российской Федерации, законов до их подписания Президентом Российской Федерации;

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

² Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М. : Проспект, 2019. – С. 27.

³ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

⁴ Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М. : Проспект, 2019. – С. 28.

б) в порядке, установленном федеральным конституционным законом, разрешает вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, а также о возможности исполнения решения иностранного или международного (межгосударственного) суда, иностранного или международного третейского суда (арбитража), налагающего обязанности на Российскую Федерацию, в случае если это решение противоречит основам публичного правопорядка Российской Федерации;

в) по запросу Президента Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом, проверяет конституционность законов субъекта Российской Федерации до их обнародования высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации)»¹.

Прежний вариант ч. 5 статьи 125 сводился к тому, что: «Конституционный Суд Российской Федерации по запросам Президента Российской Федерации, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства Российской Федерации, органов законодательной власти субъектов Российской Федерации дает толкование Конституции Российской Федерации»².

Часть 6 статьи 125 изложена в новой редакции: «Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению. Акты или их отдельные положения, признанные конституционными в истолковании, данном Конституционным Судом Российской Федерации, не подлежат применению в ином истолковании»³.

Прежний вариант ч. 6 статьи 125 был таким: «Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции Российской Фе-

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

² Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М. : Проспект, 2019. – С. 28.

³ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

дерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению»¹.

Часть 7 статьи 125 обрела новый вид: «Конституционный Суд Российской Федерации по запросу Совета Федерации дает заключение о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации, либо Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления»². Старый вариант не упоминал «Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий», в остальном он сохранен дословно³.

Добавлена часть 8 статьи 125 следующего содержания: «Конституционный Суд Российской Федерации осуществляет иные полномочия, установленные федеральным конституционным законом»⁴.

Статья 126 получила новую редакцию: «Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции и арбитражным судам, образованным в соответствии с федеральным конституционным законом и осуществляющим судебную власть посредством гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Верховный Суд Российской Федерации осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов и дает разъяснения по вопросам судебной практики»⁵. Прежняя версия ст. 126 была изложена несколько короче, но содержательно не отличалась⁶.

¹ Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М. : Проспект, 2019. – С. 28.

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

³ Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М. : Проспект, 2019. – С. 28.

⁴ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

⁵ Там же.

⁶ Конституция Российской Федерации (с гимном России). – М. : Проспект, 2019. – С. 28.

Статья 128 ныне изложена в следующей редакции:

«1. Председатель Конституционного Суда Российской Федерации, заместитель Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судьи Конституционного Суда Российской Федерации, Председатель Верховного Суда Российской Федерации, заместители Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судьи Верховного Суда Российской Федерации назначаются Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации.

2. Председатели, заместители председателей и судьи других федеральных судов назначаются Президентом Российской Федерации в порядке, установленном федеральным конституционным законом.

3. Полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и иных федеральных судов устанавливаются Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Порядок осуществления гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства регулируется также соответствующим процессуальным законодательством»¹.

А.В. Саленко обратил внимание на принципиально важный момент. Глава государства теперь вправе вносить в Совет Федерации представление о прекращении полномочий Председателя КС России, заместителя Председателя и судей КС России, Председателя ВС России, заместителей Председателя ВС и судей ВС России, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов. В списке не хватает только районных судов. Данная конституционная новелла содержит весьма расплывчатое обоснование применения нового полномочия Президента РФ, который может инициировать отрешение любого из названных выше судей «в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий»².

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

² Саленко А.В. Указ. соч. – С. 199.

Исходя из изложенного выше и опираясь на мнения отечественных правоведов, можно сделать вывод, что в Российской Федерации конституционная реформа 2020 г. в том, внесла существенные коррективы в функционирования судебной власти, обеспечивающее ее более эффективное функционирование в современных условиях.

ПРАВОВАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Волик К.Б.

старший преподаватель кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»

Современное российское государство на нынешнем этапе своего развития осуществляет активные правовые реформы и изменяет правовое регулирование. В силу этого, вполне закономерно встаёт вопрос об их эффективности и последствиях для общества и государства. Необходимо подчеркнуть, что такой процесс оказывает немаловажное воздействие на общественное сознание.

Следует отметить, что изменениям в сознании людей предшествуют существенные изменения в менталитете. Достаточно длительное время, такой институт как правовой менталитет не обращал на себя внимание со стороны отечественных ученых.

В 80–90 г. г. XX века эта тема крайне редко затрагивалась в российской монографической литературе. Но уже сегодня следует рассматривать правовой менталитет как одну из фундаментальных категорий в общей теории правосознания. Так, по мнению Р.С. Байниязова «правосознание и правовая ментальность образуют духовную ткань юридического бытия, осуществляют правовую рефлексию и юридическое созерцание, поскольку правовой менталитет является духовно-психологической основой положительного права»¹.

¹ Байниязов Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет / Р.С. Байниязов // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 31–40.

Собственно глубокое понимание сущности правового менталитета правотворческими органами позволит увеличить эффективность восприятия и применения нормативно-правовых актов. Полагаем, что это будет способствовать и повышению легитимности органов государственной власти. Сегодня перед обществом встаёт довольно остро вопрос действенности и результативности правовых норм. В свою очередь и государство поставлено перед реалиями как закрепить в общественном сознании позитивные правовые установки в том виде, в котором они изначально были законодателем определены, без искажения их действительного смысла. Вполне очевидно, что на первое место ставятся вопросы национального правового менталитета. И действительно, осмысление действительности правовой жизни через конструкт правового менталитета разрешит более исчерпывающе подвергнуть анализу и раскрыть наличествующие закономерности государственно-правовой реальности современной России.

Нельзя не согласиться с мнением, что правовой менталитет выступает как база образования национального правового сознания. Почему? Да потому что именно он обуславливает характерную яркость и самобытность национального правового сознания, демонстрируя его образ¹.

Ныне уже есть некоторое количество теоретико-правовых исследований, посвященных проблематике правового менталитета².

В общей сложности внимание к этой проблеме сегодня остается довольно значимо. И это вполне объяснимо логичными жизненными запросами в условиях транзитного перехода России от социализма – к капитализму.

С появлением в российском правоведении конструктов «менталитет» или «ментальность», которые довольно глубоко ис-

¹ Байниязов Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет / Р.С. Байниязов // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 31–40.

² Мордовцев А.Ю. Правовая система в ментальном измерении: постановка проблемы / А.Ю. Мордовцев // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2002. – № 2; Байниязов Р.С. Дух и право / Р.С. Байниязов // Философия права. – 2005. – № 1(13); Байниязов Р.С. Абстрактное правосознание и правовой менталитет / Р.С. Байниязов // Право и политика. – 2003. – № 4; Байниязов Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет / Р.С. Байниязов // Правоведение. – 2000. – № 2. – С. 134–141.

следовались за рубежом, появляется необходимость исследования таких представлений как «национальный характер» и «национальный менталитет». В этой связи, некоторые исследователи полагают, что «ментальность – это глубинные структуры национального характера, фундаментальные характеристики народного духа, архетипические образования народной души»¹. И в тоже время конструкт «национальный характер» полагают как инстинктивную, не обладающей каким-либо научным смыслом.

Мы полагаем, что последнее мнение является более верным в силу того, что сам конструкт «национальный характер»: во-первых, не обладает чертами конкретности, а поэтому, не может быть показан с использованием системного подхода; во-вторых, не коррелируется с научной терминологией: правовая культура, правосознание и др.; в-третьих, довольно рискованно использование его для проведение исследования основной картины мира в сознании индивида и общества, суждений о праве, государстве и т. п. в обстоятельствах многонационального и поликультурного государства, где как правило этот конструкт зачастую стяжает отрицательную ценностную расцветку².

По этой причине, с точки зрения включения этнокультурного измерения в разные исследования, применение конструкта национального менталитета будет обелено с методологической точки зрения.

Обычно российскими юристами при исследовании вопросов права, связанных с психологическим «элементом», употребляется конструкт «правосознание». Это понятие в российском правоведении рассматривается как совокупность чувств, представлений, взглядов и т.п., где отражен взгляд субъектов права не только к действующему праву, но и к вновь формируемым юридическим нормам.

¹ См. подробнее: Мордовцев А.Ю. Российская государственность в ментально-правовом измерении : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – Ростов-н/Д., 2004. – С. 122–127.

² Бондаренко М.В. К вопросу о понимании места и роли правового менталитета в правовой действительности. – URL : <https://izron.ru/articles/teoriya-i-praktika-sovremennoy-yuridicheskoy-nauki-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itogam-mezhdunarodnoy-sektsiya-1-teoriya-i-istoriya-prava-i-gosudarstva-istoriya-ucheniya-o-prave-i-gosudarstve/k-voprosu-o-ponimani-mesta-i-rol-i-pravovogo-mentaliteta-v-pravovoy-deystvitelnosti>

Воспринимая так правосознание, мы имеем ввиду лишь психические проекции отображаемых предметов – норм. Мы их воспринимаем как искаженные или более или менее соразмерные. Конечно же, всё это сближает правосознание с положительным психологическим процессом. По сути, к вопросу отображения действительно наличествующих правил.

Полагаем, что такое восприятие не ведёт к установлению личного культурного значения правосознания. Этот смысл значительно полнее чисто отражательного процесса. Он сложен. Довольно часто имеет непсихологическую природу. В силу этих причин обязан исследоваться безотлагательно в нескольких ипостасях: национальной, исторической, цивилизационной и др. Он не может быть объединен с субъектно-объектными связями рефлексорного плана.

Анализируя национальные особенности правосознания нынешнего российского социума и свойственного ему правового мышления актуально полагать, что правовой менталитет соединяется с правовой ментальностью через настоящих, активных субъектов права. Именно по причине практики человеческих индивидов, их психики, познанию и созиданию, через которые идеи и взгляды, порождаемые мозгом отдельных индивидов, укладываются через групповые и общественные правовые ментальности в основание менталитета наций и социумов. Да и вообще, в конструкцию всей правовой жизни общества, в том числе и в культуру.

В.П. Малахов считает возможным, что правовое сознание есть рациональное и иррациональное. Если рациональное правовое сознание – это осознанное отношение к праву. Это по своей сути регулятор юридически важного поведения, то иррациональное правовое сознание, – это неосознанная форма постижения права, которое основано на правовых познаниях, приобретенных от предков¹.

Российская ментальность – явление исключительное. Она складывается из массы элементов. При этом, обуславливающим среди них выступает представление русского национального ха-

¹ См.: Дудченко Л.В. Особенности проявления российского правового менталитета в правосознании различных социальных групп : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – С. 261.

рактера. Это представление базируется доброте, духовности, сострадании, терпимости. Вместе с этим, моральный конструкт «справедливость» русскими людьми все время ставился на первое место, а только уже после этого следовал «закон».

Современное российское общество отражено в множественной цветовой гамме: необъятность территории, взаимопереплетение народов и народностей, обычаев и культур. Несомненно, всё это обуславливает пестроту национального правового менталитета.

Разнообразие народов, исторически и географически проживающих в России, показывает очень существенные различия в общекультурном менталитете социально-этнических групп. Думается, что это положение применимо ко всем славянским странам на постсоветском пространстве.

И ныне продолжают быть детерминантами восприятия мира, мышления, поведения, существовавшие столетиями геополитические, географические, культурно-исторические, социально-экономические, политико-правовые, религиозные, моральные и прочие причины.

Пойдём дальше. Еще одной существенной причиной выступает анализ правового менталитета с воззрений группового правосознания. Действительно, правосознание профессиональной группы отображает специфику социальной и правовой практики, в которую эта социальная конгломерация входит.

Действительно, правосознание профессиональной группы обуславливается спецификой их деятельности, а именно, выполнение ими разных функций: властных, управленческих, правоохранительных. При этом правовой менталитет профессиональной группы гетерогенен. И даже в недрах группы он будет обуславливаться глубиной погружения в правовое поле каждого индивида.

В целом можно констатировать, что для профессионального правосознания типично овладение правовыми знаниями как системы. Профессиональное правосознание – это переплетение всевозможных правовых норм, суждение о влиянии права на социальные отношения, резоны поведения лица в сфере права.

По уровню знания правовой реальности профессиональное правосознание выступает как практическое. Оно обладает боль-

шей четкостью и организованностью. Оно способствует постижению свежих правовых знаний.

Практическое правосознание базируется на опыте правового строительства. Оно сцементировано с решением вопросов будничной службы. По своей сути практическое правосознание более тесно сориентировано на опыт, навыки и умения его суверенов.

Значит, обладатели профессионального правового менталитета владеют более значительной степенью знаний о праве в надлежащих областях профессиональной работы.

Подводя итог наших рассуждений, хотелось бы констатировать, что правосознание следует уяснять как целостный конгломерат идей, понятий, эмоций и взглядов некоторых лиц, общественных слоев и классов о функционирующем праве, законности и правосудии. Влияние правосознания на правовое регулирование безусловно, оно пронизывает весь этот процесс, так как правосознание субъектов правотворчества непосредственно оказывает влияние на качество позитивного права, правосознание субъектов применения права, детерминирует эффективность реализации права, а все вышеперечисленное формирует правовую ментальность населения.

АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИДЕЙ ПРАВОПОНИМАНИЯ

Гараева Г.Ф.

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»

Рассмотрение правового регулирования через призму, положенного в его основу правопонимания, позволяет выявить объективно существующую взаимосвязь и взаимовлияние этих базовых явлений друг на друга. Это объясняется неразрывной связью между теоретическим основанием и практиче-

скими действиями людей во всех сферах их жизнедеятельности, не исключая и правовую. Исходное правопонимание, положенное в основу концепции правового регулирования, позволяет сформулировать цели, выявить средства, формы, представления о механизме реализации, критериях эффективности действий субъектов правового регулирования. При этом следует отметить, что свой вклад в понимание регулятивной функции права внесли представители различных школ правопонимания, порой противостоящих друг другу.

При этом следует иметь в виду, что сама категория «правовое регулирование» стала активно использоваться в теории и правовой практике лишь в 20–21 вв. как конкретизация одного из видов социального регулирования. Тем не менее в трудах теоретиков и философов права достаточно глубоко исследовались разные аспекты регулятивных возможностей права, организации общественной жизни на основах долженствования и нормативности. Так, например, большой вклад в рассмотрение сущности и форм проявления правового регулирования внесли представители позитивистских направлений в праве, которые указывали на неразрывную связь между правом, государством и правовым регулированием. Представители нормативистского подхода, приписывали праву полную зависимость от государства. Они характеризовали право, как основной регулятор общественных отношений посредством формирования нормативной системы, призванной упорядочить общественные отношения. В трудах представителей позитивистского подхода отмечалась неразрывная связь права с государством и его охранительными функциями. Так, например, Г.Ф. Шершеневич подчеркивал, что важнейшей сферой проявления права является деятельность государства как властвующего союза, которое посредством своих органов устанавливает право и охраняет его¹. В прошлом позитивист, а в дальнейшем представитель интегративного подхода к праву Н.И. Палиенко, отмечал большое значение права для функционирования государства и обеспечения функционирования жизни людей в обществе. Право, по мнению Н.И. Палиенко, выступает «не только нормативным началом государственной жизни, отно-

¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1911. – С. 280–284.

сящимся к категории долженствования, но, как действующее право, реализуется в сфере фактических отношений, организует бытие государства, его строй и деятельность»¹.

В тоже время существует и иная точка зрения, в которой подчеркивается автономный характер права. Так, в частности, представитель естественно-правового типа правопонимания Е.Н. Трубецкой подчеркивал, что «право может существовать и помимо государства, оно предшествует государству и обуславливает его собою»². Но при всех особенностях в характеристике права, как правило, его невозможно отделить от государства ни в онтологическом, ни в гносеологическом, ни в праксеологических аспектах, также как невозможно отделить право от его имманентного основания – нравственности.

Сегодня, на наш взгляд, ни один тип правопонимания не может охватить в целостности сущность права и правового регулирования, закрепляя и актуализируя только те свойства, которые представители типов правопонимания относят к сущностной характеристике права и правового регулирования. Принимая во внимание многогранность правового регулирования, его неразрывную связь и с государством, и с нравственными основаниями права, перспективным представляется интегративный подход, который позволит избежать крайностей того или иного типа правопонимания и обеспечит целостное восприятие особенностей и потенциала развития правового регулирования.

Интегративное правопонимание открывает возможность использования, накопленного человечеством знания о праве в системном и непротиворечивом единстве. Появление такой познавательной цели не субъективная потребность, а объективный этап в развитии правовой методологии. Одним из исторически сложившихся способов построения интегративной познавательной модели права является интеграция различных, но при этом наиболее распространенных подходов к праву (например, позитивистского, естественно-правового, социологического и т.д.).

Соответственно, обращение к интегративному подходу к праву с неизбежностью окажет влияние и на правовое регулиро-

¹ Палиенко Н.И. Учение о существе правовой связанности государства. – Харьков, 1908. – С. 283–284.

² Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. – М., 1917. – С. 30–36.

вание. В этой связи совершенно верно Р.Р. Палеха подчеркивает: «Интегративное правопонимание способно примирить различные типы правопонимания права и существенным образом повысить возможности для субъектов правоприменительной деятельности по регламентации и охране прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений, искусственно не ограничивая их правовой статус формальными рамками узко-нормативного легизма, способствуя тем самым повышению эффективности правоприменительной деятельности как составной части единого механизма правового регулирования»¹.

Исторически сложившийся подход к интегративному правопониманию, включающий основоположения естественно-правового и позитивистского типов правопонимания направлен на достижение целостного восприятия права, нахождение общих точек соприкосновения и реализацию принципа дополнительности в науке. Подтверждением того, что интегративный подход к праву, претендующий на целостное и системное знание о праве, должен включать в качестве необходимых элементов естественное и позитивистское правопонимания, является с одной стороны позитивация естественного права, и легитимация естественных прав человека, а с другой стороны имеющаяся потребность позитивного права в позитивной морали, опирающейся на исторически сложившиеся в обществе обычаи и нравы. Все это говорит о том, что историческая стадия развития правового познания такова, что противоречия между разными типами правопонимания, и в частности, естественно-правовым и позитивистским перестали быть антагонистическими и сделали возможной постановку вопроса о возможности целостного подхода к праву и правовым явлениям, в частности правовому регулированию. Однако это не снимает вопроса о неантагонистических противоречиях, которые сохраняются при попытке применения интегративного подхода к праву и правовому регулированию. Но они снимаются рационально-критической оценкой волеустановленного права и позитивно-властных представлений законодателя о справедливости и формальном равенстве. В тоже время право и правовое регулиро-

¹ Палеха Р.Р. Интегративное отечественное правопонимание: современные концептуальные подходы. – М. : Российская академия правосудия, 2011. – С. 133.

вание с позиций интегративного подхода не могут рассматриваться исключительно в плоскости идеально-должного представления, а характеризуются в том числе как результат целеполагания законодателя, выражающего государственную волю, опирающуюся на фактическую силу. Таким образом, мы видим, что правовое регулирование, оставаясь одним из важнейших инструментов в организации общественного порядка, опирающегося на нормативно-правовую базу, и концептуально и «технически» неразрывно связано с исходным типом правопонимания, изменение или развитие которого влечет за собой динамику в правовом регулировании. И поиск такого типа правопонимания, который бы учитывал актуальные достижения предшественников и современные тенденции развития общества, технологий и права продолжается и проходит испытание на истинность.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА С ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Голубева Н.А.

старший преподаватель

кафедры государственно-правовых дисциплин,
Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Согласно ст. 10 Конституции Российской Федерации государственная власть в Российской Федерации осуществляется «на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны»¹.

Исполнительная власть осуществляется системой специально созданных субъектов – органов исполнительной власти раз-

¹ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ 30.12.2008 № 6-ФКЗ, 30.12.2008 № 7-ФКЗ, 05.02.2014 № 2-ФКЗ, 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

личных уровней, которые наделены исполнительной компетенцией.

Исполнительная власть включает в себя: условия для обеспечения прав и свобод и законных интересов человека как высшей социальной ценности; обеспечение реализации задач и функций государства; правовые средства и организационные институты органов государственной власти в сферах жизнедеятельности человека, организационно-распорядительные и консультативно-совещательные действия; подготовку проектов нормативно-правовых актов органов государственной власти, обеспечение их реализации, контроль за их исполнением на основе анализа и прогнозирования политического и социально-экономического состояния государства.

По мнению С.А. Авакьяна «Правительство является органом, организующим исполнение Конституции, законов Российской Федерации, международных договоров и указов главы российского государства»¹.

Как справедливо отмечают Е.В. Халипова и А.Д. Керимов, по сравнению с другими ветвями власти именно исполнительная власть во главе с правительством имеет наиболее властный потенциал и именно в руках исполнительной власти сосредоточены неизмеримо большие по сравнению с другими ветвями власти административные, финансовые, материально-технические, технико-технологические, организационные, коммуникативные, людские и иные ресурсы².

Вопросы взаимодействия главы государства с исполнительной властью являются на сегодняшний день предметом дискуссий, поэтому особую актуальность приобретают вопросы исторического аспекта развития такого взаимодействия.

До 1990 года в России не было института президентства. Появление этого института продиктовала жизнь, хотя его зарождение было не простым и связанным с определенными политиче-

¹ Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2-х т. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма: ИНФРА – М., 2014. – Т. 2. – С. 679.

² Халипова Е.В. Исполнительная власть в государственном механизме / Е.В. Халипова, А.Д. Керимов // Государство и право. – 2015. – № 2. – С. 21.

скими процессами в стране – распадом СССР и выходом из его состава союзных республик, в том числе РСФСР.

В ходе тяжелой политической борьбы 12 июня 1990 года I съезд народных депутатов РСФСР принял Декларацию о государственном суверенитете России, в которой важнейшим принципом функционирования РСФСР как правового государства определен принцип разделения законодательной, исполнительной и судебной властей¹.

На этом же съезде изначально депутаты высказывались против введения в республике поста президента, но впоследствии по инициативе трети народных депутатов вопрос об учреждении должности Президента в РСФСР был вынесен на всероссийский референдум, который состоялся 17 марта 1991 года и по итогам которого за введение в РСФСР института президентства высказались 69,85 % избирателей.

Далее введение института президентства в РСФСР получает свое развитие в законодательном регулировании: 24 апреля 1991 года Верховным Советом РСФСР принимаются законы «О Президенте РСФСР» и «О выборах Президента РСФСР», а 24 мая 1991 года были внесены соответствующие изменения в Конституцию РСФСР 1978 года.

В соответствии со ст. 121.1 Конституции РСФСР 1978 года Президент являлся одновременно высшим должностным лицом и главой исполнительной власти².

Взаимодействие Президента как высшего должностного лица государства с исполнительной властью проявлялось в полномочиях Президента, определенных ст. 121.5 Конституции РСФСР. Так, к полномочиям Президента относилось: назначение Председателя Совета Министров Российской Федерации с согласия Верховного Совета Российской Федерации; назначение и освобождение от должности министров, руководителей комитетов и ведомств Российской Федерации по представлению Председателя Совета Министров Российской Федерации, назначение на должность и освобождение от должности (с согласия Верховного Совета Российской Федерации) министра иностранных дел

¹ Декларация о государственном суверенитете России // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22

² Конституция (Основной Закон) Российской Федерации, принята ВС РСФСР 12.04.1978 (ред. От 10.12.1992) // Ведомости ВС РСФСР. – 1988. – Т. 1. – С. 13.

Российской Федерации, министра безопасности Российской Федерации, министра внутренних дел Российской Федерации; руководство деятельностью Совета Министров Российской Федерации; представление Верховному Совету Российской Федерации предложения об образовании, реорганизации и упразднении министерств, государственных комитетов и ведомств Российской Федерации; принятие отставки Правительства Российской Федерации с согласия Верховного Совета Российской Федерации.

Статьей 121.8 Конституции РСФСР Президент Российской Федерации наделялся правом приостанавливать действия актов Президентов республик и Советов Министров (Кабинетов Министров) республик в составе Российской Федерации, а также отменять акты краевой, областной, городской администрации, администрации автономной области, автономных округов в случае противоречия этих актов законодательству Российской Федерации¹.

В таком виде взаимодействие Президента с исполнительной властью имело место до вступления в силу Конституции РФ 1993 года, в которой в контексте исторического развития изменяется статус и отдельные полномочия Президента РФ, связанные с исполнительной властью.

Конституция РФ 1993 года одним из основополагающих принципов конституционного строя определяет в ст. 10 принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную, судебную. Президенту РФ Конституция РФ 1993 года отводит отдельную главу IV, из чего следует, что власть Президента является отдельной и самостоятельной, Президент не входит ни в одну ветвь государственной власти, выступает своего рода балансом между ветвями государственной власти.

В соответствии со ст. 80 Конституции РФ Президент является главой государства и уже не возглавляет исполнительную власть, как это было в Конституции РФ 1978 года². Взаимодей-

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Федерации, принята ВС РСФСР 12.04.1978 (ред. от 10.12.1992) // Ведомости ВС РСФСР. – 1988. – Т. 1. – С. 13.

² Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ 30.12.2008 № 6-ФКЗ, 30.12.2008 № 7-ФКЗ, 05.02.2014 № 2-ФКЗ, 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

стве Президента РФ как главы государства с исполнительной властью проявляется в следующих полномочиях Президента: назначение Председателя Правительства Российской Федерации после утверждения кандидатуры Государственной Думой по представлению Президента Российской Федерации, и освобождение Председателя Правительства Российской Федерации от должности; осуществление общего руководства Правительством Российской Федерации; Президент вправе председательствовать на заседаниях Правительства Российской Федерации: утверждение по предложению Председателя Правительства Российской Федерации структуры федеральных органов исполнительной власти, внесение в нее изменений; определение в структуре федеральных органов исполнительной власти органов, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, и органов, руководство деятельностью которых осуществляет Правительство Российской Федерации; принятие решения об отставке Правительства Российской Федерации; принятие отставки Председателя Правительства Российской Федерации, заместителей Председателя Правительства Российской Федерации, федеральных министров, а также руководителей федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации; назначение на должность заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров, кандидатуры которых утверждены Государственной Думой (за исключением федеральных министров, ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, общественной безопасности, которых он назначает после консультаций с Советом Федерации). Президент РФ наделен правом отменять акты Правительства РФ в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам, указам и распоряжениям Президента РФ (ч. 3 ст. 115 Конституции РФ).

Анализ вышеперечисленных положений Конституции РФ 1978 года и Конституции 1993 года позволяет сделать вывод о том, что статус Президента с развитием конституционно-правового регулирования изменялся от высшего должностного

лица государства до главы государств, и если в Конституции РФ 1978 года Президент возглавлял исполнительную власть, то по Конституции РФ 1993 года он не возглавляет ее, а взаимодействует с нею. Характер такого взаимодействия связан с общим руководством главы государства деятельностью органов государственной исполнительной власти, участием в формировании системы органов государственной исполнительной власти, влиянием на срок полномочий органов исполнительной власти путем отставки Правительства в целом и отдельных руководителей органов государственной исполнительной власти.

В настоящее время предметом дискуссий остаются вопросы фактического влияния главы государства на исполнительную власть, в частности вопросы назначения на должность Председателя Правительства РФ и вопросы возможности главы государства отменять акты Правительства РФ.

С одной стороны, в назначении Председателя Правительства участвует Государственная Дума путем утверждения кандидатуры Председателя Правительства РФ, представленной Президентом, а с другой стороны, в случае трехкратного отклонения Государственной Думой представленной Президентом кандидатуры Председателя Правительства, Президент наделен правом распустить Государственную Думу и назначить Председателя Правительства (п. 4 ст. 111 Конституции РФ) самостоятельно. В свете поправок от 14 марта 2020 года к Конституции РФ право роспуска Государственной Думы у Президента РФ расширено до случаев отклонения кандидатур заместителей Председателя Правительства и федеральных министров, представленных Председателем Правительства РФ (ч.4 ст.112 Конституции РФ). Все эти полномочия главы государства подчеркивают сильное влияние Президента на исполнительную власть. Зависимость Правительства от главы государства усматривается также из анализа положений Конституции РФ об отставке Правительства.

В соответствии со ст. 110 Конституции РФ 1993 года исполнительную власть в РФ осуществляет Правительство РФ, в контексте поправок 2020 года данное положение дополнено «под общим руководством Президента РФ», что также что также позволяет сделать вывод об усилении влияния Президента РФ на исполнительную власть.

РОЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Гусарова М.А.

доктор философский наук, доцент,
профессор кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»

Актуальность проблемы роли правосознания в процессе правового регулирования в современном российском обществе определяется многими объективными факторами, обусловившими формирование отечественной социокультурной и социально-правовой реальности конца XX – начала XXI вв. Речь идет о системных преобразованиях российского общества, коснувшихся всех сфер общественной жизни, ослаблении социальных механизмов формирования духовно-нравственных ценностей как последствиях аномийного состояния, экономическом кризисе и резкой социальной поляризации российского общества. В результате названных дестабилизационных процессов произошло падение авторитета правовых норм и правовых ценностей, рост недоверия институтам государства в общественном сознании, что способствовало появлению множества проблем в формировании правосознания различных социальных групп.

Вместе с тем, решение приоритетных задач современной России, нацеленных на построение правового государства и развитие гражданского общества, достижение верховенства права, укрепление национального согласия в стране, провозглашенных в Конституции, настоятельно требует высокого уровня развития правовой культуры, что, в свою очередь, прямо зависит от процесса формирования высокого уровня правосознания всех социальных субъектов, базирующегося на позитивных правовых установках и ценностях, успешно реализуемых в правовой жизни.

Анализ состояния процесса правового регулирования в российском государстве обнаруживает ряд серьезных проблем, среди которых не последнее место занимает проблема взаимозависимости правосознания и механизмов, способов, актуальных целей правового регулирования. Не может быть незамеченной па-

радоксальная ситуация, заключающаяся в том, что, несмотря на множество реформ, касающихся норм и порядка функционирования институтов правореализации как важного аспекта процесса правового регулирования вообще, уровень правосознания населения и юристов-профессионалов принципиально не изменился.

Как справедливо указывает И.А. Хакимов, «правосознание граждан России, как правоприменителей, так и обычных людей, является той призмой, которая изменяет вектор целеполагания каждой нормы права, которая трансформирует смысл, идею, ценности каждого нормативного акта. Особенно это наглядно в сфере реализации права в наиболее «чувствительных» и «болезненных вопросах»: экономике, здравоохранении, образовании, правосудии»¹.

Следует заметить, что проблема роли правосознания как посредника в процессе правового регулирования на всех уровнях правосознания не является новой. Она неоднократно оказывалась в фокусе теоретико-правовых и философско-правовых взглядов дореволюционных авторов – И.А. Ильина, Л.И. Петражицкого, Б.А. Кистяковского и др. В трудах представителей синтетической теории права – Н.Н. Алексеева, П.Г. Виноградова, А.С. Яценко и др. проблема роли правосознания решалась в поле научно-теоретической попытки соединения правовой формы и правового содержания, институционального выражения и представлений об идеальном праве, сущности права и правового поведения, о чем мы уже писали в ряде своих работ. В 30-е гг. XX в. проблема правосознания как классового феномена рассматривалась с институциональной точки зрения такими представителями социологического подхода к праву, как П.И. Стучка, М.А. Рейснер, Е.Б. Пашуканис и др. Позднее в период с середины 50-х – 80-е гг. XX в. В трудах Б.А. Грушина, Л. Живковича, Е.А. Лукашевой, Я.Ф. Миколенко, Г.С. Остроумова, Д.А. Потопейко, И.Е. Фарбера и др. постепенно преодолевается классовая трактовка правосознания, намечается так называемый «широкий подход» к трактовке права и правосознания, и как следствие – формирование правосознания как феномена, в котором запечатлевается право-

¹ Хакимов И.А. Правосознание в процессах реализации права: теоретико-методологический и структурно-функциональный аспекты : монография. – М. : «Проспект», 2020. – С. 4

вая жизнь, начинает рассматривается в зависимости от остальных форм общественного сознания – политического, философского, экономического и иных. В этот период, несмотря на сильное идеологическое влияние материалистической теории, делается акцент на дуальной структуре правосознания, включающей правовую идеологию и правовую психологию, совместно детерминирующих правовое поведение всех его носителей. Что касается постсоветского периода, то исследования правосознания, начиная с 90-х гг. XX в, проводились, в основном, в теоретико-правовой плоскости, но вместе с тем, получили новые векторы развития, связанные с проблемой поиска нового типа правопонимания, соответствующего современным правовым реалиям, а также в контексте изучения проблем правовой культуры. Таким образом, среди факторов, влияющих на процессы правореализации, стали рассматриваться различные социокультурные процессы и феномены. Как представляется, несмотря на смену исследовательских ориентиров, произошедшую в XX – начале XXI вв., именно проблема структуры правосознания, обозначенная в советский период, определяет сегодня вектор корреляционных связей правосознания и правового регулирования.

Правовая психология и правовая идеология как два ключевых элемента правосознания не имеют прямой материальной реализации, однако именно их сосуществование в системе сознания субъекта обеспечивает возможность выполнения правосознанием таких важных функций, как функция интерпретации, аксиологическая, функция саморегуляции поведения субъекта-носителя правосознания т.п. Как справедливо отмечается современными авторами, «основные проблемы функционирования механизма реализации права на разных этапах этого процесса вызваны различными функциональными сбоями элементов правосознания, целый ряд из которых слабо учитываются на стадии правотворчества. Между тем именно от них зависит результат и эффективность правового регулирования...»¹. Поддерживая позицию данного автора, отметим, что названные процессы проявляют себя в сфере правоприменения, детерминированного особенностями развития в том или ином социуме таких структурных элементов

¹ Хакимов И.А. Указ. соч. – С. 21.

правосознания, как правовые идеалы, правовые символы, правовая ментальность, правовые представления, правовые эмоции и т.п. Данная проблема, по нашему мнению, имеет одновременно несколько аспектов реализации научного исследования.

Во-первых, она непосредственно касается вопросов природы и взаимодействия правовой идеологии и правовой психологии для всех видов правосознания. Речь идет, прежде всего, о проблеме определяющего влияния того или иного элемента в структуре сознания. Как мы отмечали выше, этот вопрос в дореволюционный период решался в основном в пользу идеальных компонентов правосознания, включающих в себя «правочувствование», «правовую интуицию», нравственно-правовые ценности индивида, группы или общества, возведенные в качестве императивов правовой жизни. Представители синтетической теории права попытались уравновесить все феномены права как взаимодолжные. В советский период акцент делался главным образом на правовой идеологии как отражении права в сознании различных социальных групп, запечатлевающим себя в форме идей, ценностей, эмоционально-волевых реакций. Однако, в постсоветский период и по настоящее время, проблема роли правосознания в правореализационных процессах незаслуженно выпала из «поля зрения» ученых, за исключением отдельных исследований социально-правового направления, сопряженными с проблемами социальной структуры, социальных конфликтов в российском обществе, самоидентичности россиян, состоянием правосознания различных социальных групп и т.п. Хотя, как мы отметили выше, обращение к данному феномену может ответить на весьма актуальные в настоящее время вопросы, например, почему при в современных условиях достаточно отрегулированной правовой системы сохраняется низкий уровень правосознания.

Целесообразность второго направления обусловлена функциональным разнообразием правосознания в процессах правореализации. Речь идет о функциях конкретизации и толкования права, аксиологической, социокультурной функции.

Подытоживая сказанное выше, следует отметить, что оба выделенных направления имеют равнозначную ценность, поскольку совместно исчерпывают полный спектр корреляционных связей правосознания и процесса правового регулирования и поз-

воляет утверждать, что правосознание оказывает решающее влияние как в правотворческой, так и правореализационной сфере.

Следует также подчеркнуть, что на сегодняшний день необходимость решения проблемы взаимосвязи правосознания и правового регулирования вышла за пределы теории государства и теории права и требует объединения усилий представителей философского, социологического и культурологического, психологического направлений науки. А поскольку поставленные государством задачи по построению гражданского общества и правового государства не могут быть достигнуты без высокого уровня правосознания и правовой культуры различных социальных групп, разработка названной проблемы поможет в поиске наиболее эффективных механизмов правового воздействия на все правовые процессы и, как следствие, окажет позитивное влияние на уровень социального порядка.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Дарда А.В.

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»

Современные темпы развития общества неразрывно связаны с таким явлением как цифровизация, которая стремительно поглощает все сферы жизнедеятельности современного человека. Данное обстоятельство не могло не отразиться на существующих правовых институтах государства и повлиять на судебную систему, а именно правовое регулирование правоприменительной деятельности. Благодаря чему, в последние годы в деятельности судов мы наблюдаем широкое распространение новых цифровых технологий. Их внедрение и последующее применение позволяет существенно упростить принятие и реализацию правоприменительных решений, в некоторых случаях уве-

личить скорость рассмотрения дел и, конечно же, повысить общую эффективность правоприменительной деятельности.

Сейчас информационные технологии в правосудии представлены системой «Интернет-портал ГАС «Правосудие» и множеством ее подсистем. Ее основная задача сводится к созданию единого информационного пространства и его дальнейшего развития, в котором возможна полноценная реализация новых информационных технологий, в том числе и совершенствование механизма обращений граждан в суд. Именно это информационное пространство в дальнейшем влияет на самого правоприменителя, поскольку формирует факторы, воздействующие на сам процесс принятия важных и ответственных правовых решений.

С 01 января 2017 г. у граждан имеется возможность подачи своих исковых заявлений во все федеральные суды общей юрисдикции в электронном виде.

Данное обстоятельство воспринимается нами как положительный аспект, поскольку существенным образом позволяет экономить средства граждан, а также упрощает и ускоряет сам процесс обращения, позволяя оставаться в рамках процессуальных сроков. В то же самое время данный способ подачи обращений вовсе не исключает возможность подачи таковых в классическом виде, т.е. на бумажном носителе.

Одним из наиболее перспективных направлений цифровизации правоприменения является внедрение в этот процесс искусственного интеллекта и роботов. Реализация данного направления требует решения таких острых вопросов как перевод действующего законодательства в цифровую форму понятную для роботов (ноля и единицы) и разработку соответствующих правовых алгоритмов и формирование цифрового юридического языка. В этой связи особую актуальность приобретает разработка платформенного права для регламентации процессов, необходимых для внедрения платформ и возможностей искусственного интеллекта. Отдельного внимания требует вопрос о статусе робота-правоприменителя, его правосубъектности и возможности, и целесообразности его привлечения к юридической ответственности. Полностью согласны с мнением Д.А. Пашенцева о том, что участие искусственного интеллекта в правоприменении возможно в

тех аспектах, в которых оно будет иметь технически-вспомогательный характер¹.

Автоматизация в сфере судопроизводства и применение искусственного интеллекта неминуемо повлекут сокращение аппарата суда, позволят сократить сроки принятия решения и обеспечить наивысший доступ к правосудию. Однако, наиболее существенным недостатком искусственного интеллекта можно считать отсутствие у него правосознания, в частности, правовой психологии, в результате чего его участие в правоприменительном процессе может оказаться неэффективным². В этой связи присоединяемся к мнению председателя Конституционного суда РФ В.Д. Зорькина, который, в частности, отмечал, что предложение специалистов «упаковать» законы в программный код с целью обеспечения стройности, определенности и однозначности содержания нормативных актов кажется ему фантастичным. Он склонен считать, что сторонники цифровизации преувеличивают возможности технологий и недооценивают вариативность общественных отношений, подлежащих регулированию.

Кроме того, с учетом последних достижений в цифровых технологиях стали появляться новые виды доказательств и способы их закрепления.

Еще одним позитивным проявлением новых информационных технологий является видеоконференцсвязь. Данная технология позволяет сформировать единое информационное пространство, в рамках которого происходит объединение судов разных уровней друг с другом и судов со следственными изоляторами. Данный элемент электронного правосудия позволяет существенно экономить финансовые средства, связанные с перевозкой лиц из следственных изоляторов в суды для рассмотрения дела. Кро-

¹ Пашенцев Д.А. Влияние цифровизации на субъекта правоприменения / Д.А. Пашенцев; Под общей редакцией В.В. Строева, Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной // Сборник: Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского. – М., 2021. – С. 154–157.

² Пашенцев Д.А. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права / Д.А. Пашенцев, К.С. Новикова // Образование и право. – 2020. – № 7. – С. 200.

ме того, с помощью видеоконференцсвязи происходит экономия времени у самого суда и у участников процесса, которые сохраняют возможность оставаться на месте, при этом находясь в разных географических регионах.

Несмотря на множество положительных аспектов цифровизации правосудия, существует достаточное количество проблемных вопросов, разрешение которых позволит исключить его уязвимые места.

Цифровые технологии существенным образом оказывают влияние на процесс правоприменения, поскольку меняют само человеческое мышление, в силу чего некоторые мыслительные функции становятся практически ненужными. Кардинально изменяется характер принятия решений – в условиях цифрового общества субъект сначала совершает какое-либо действие и только потом начинает задумываться о его целесообразности и нравственном характере. Под влиянием современных цифровых технологий формируется так называемое клиповое сознание, которое базируется «на поверхностном восприятии фрагментов реальности»¹. Как следствие, происходит утрата основных аналитических навыков, необходимых для правоприменения, изменяется психика правоприменителей и их характер мышления.

По-прежнему актуальным остается вопрос связанный с защитой информации, которая попадает в системы электронного правосудия, а точнее всего соблюдение баланса между защитой прав лиц на получение информации и соблюдением правового режима охраняемых законом тайн и возможных ограничений прав и свобод. Существует определенная вероятность внесения изменений в документах, поданных в электронном виде, поскольку они подаются по незащищенным каналам связи.

Информация, используемая в судебном процессе, должна быть защищена от незаконных посягательств. Данный аспект безопасности очень важен, поскольку в противном случае может быть нанесен серьезный репутационный ущерб всей судебной власти или отдельным участникам процесса.

¹ Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений / Д.А. Пашенцев // Вестник СПбГУ. Право. – 2020. – Т. 11. – Вып. 1. – С. 38.

Очередной проблемой в системе электронного правосудия является вопрос детального закрепления в процессуальном законодательстве порядка проведения судебного заседания с использованием процедуры видеоконференцсвязи. В настоящее время в действующем законодательстве закреплена возможность (право, а не обязанность) проведения судебного заседания в данном формате, но одновременно с этим не конкретизирован вопрос обязательного порядка немедленного ознакомления с документами, представленными в процессе как доказательства. Достаточно часто суд ссылается на отсутствие технической возможности мгновенного ознакомления с представленными доказательствами, и сторона лишается возможности выразить свои мнения или соображения по данному поводу. Подобная ситуация не самым лучшим образом может отразиться на конечный результат рассмотрения дела, т.к. при вынесении решения суда не исключена ошибка.

В обязательном порядке необходима правовая регламентация использования электронной подписи для подтверждения юридической значимости исполнительного документа. Данное нововведение значительно усовершенствует и ускорит процесс исполнения судебных актов. Для создания исполнительного документа в виде электронного документа потребуется обеспечить судей электронной подписью. Электронная подпись на документе имеет две процессуальные функции: во-первых, это идентификация и аутентификация; во-вторых, наличие электронной подписи влияет на доказательственную силу документа, скрепленного ею. От технологии и надёжности подписи будет зависеть уровень доверия суда, к данным, скрепленным такой подписью¹.

Так же необходимо затронуть вопрос возможности участия адвоката в процессе при применении видеоконференцсвязи для защиты своего клиента. Процессуальным законодательством данный вопрос не урегулирован, однако на практике достаточно часто в процессе возникает необходимость в обсуждении между адвокатом и своим клиентом конфиденциальной информации.

¹ Чикин В. ЭЦП как доказательство в суде / В. Чикин // Консультант. – 2008. – № 1. – URL : http://www.consultant.ru/law/podborki/dokument_podpisannyj_jesp_kak_dokazatelstvo_v_sude

Подобная необходимость в процессе может возникать достаточно часто, и если будет отсутствовать какой-либо отдельный канал связи, то потенциально это может ограничить или нарушить конституционное право на юридическую помощь.

Необходимо затронуть проблему двойного документооборота. В сложившейся ситуации работники аппарата суда выполняют первичную регистрацию, передачу и другие дальнейшие действия, как в электронном виде, так и на бумажном носителе. В итоге, работа продлевается дважды, что перегружает аппарат суда и не отвечает основным целям внедрения новых информационных технологий.

Обращает на себя внимание достаточно разная степень технического оснащения судебных органов. Вследствие чего не все суды имеют техническую возможность применения основных элементов указанных выше информационных технологий.

Острым остается вопрос наличия надлежащих профессиональных кадров, которые должны содействовать в продвижении новых цифровых технологий. Нет должностей специалистов в районных судах, а инженеры информационных аналитических центров закреплены за несколькими районами и не подчиняются руководству судов.

Данная ситуация влечет такие последствия как:

1. Плохая реализация в настоящий момент взаимодействия между внутренним и общедоступным (сетевым) контурами ГАС «Правосудие».

2. Недостаточное техническое оснащение и использование устаревших СУБД (системы управления базами данных) версий.

3. Недостаточное оснащение учреждений ФСИН РФ оборудованием видеоконференцсвязи, что влечет за собой выстраивание очередей на сеанс связи.

4. Аудиопротоколирование в формате «Фемида» выходит из строя, поэтому аудиозапись осуществляется на диктофон.

В этой связи необходимо скорейшее внедрение программного обеспечения, позволяющего в полном объеме предоставлять сторонам доступ к материалам дела в электронном виде.

Применение современных технологий будет способствовать ускорению обмена информацией и одновременно с этим порождать затруднения в обеспечении достоверности той информации,

которая передается в электронном виде. По нашему мнению, данное обстоятельство вызывает особую тревогу, поскольку критерий достоверности в данных отношениях играет особо важную роль как для лиц, обратившихся в суд, так и для самого суда, поскольку именно ему необходимо оценивать достоверность предоставленных сторонами доказательств и принимать решение по делу.

Абсолютно согласны с мнением адвоката П. Гейко, который считает, что сокращение временных, трудовых и финансово-экономических затрат благодаря использованию цифровых технологий, безусловно, произойдет, однако при этом велик риск дополнительных затрат на устранение негативных последствий информатизации судебных систем, – в частности, на ликвидацию последствий технических ошибок работы судебной системы или злонамеренного использования «слабых мест» цифровых технологий¹.

Современные технологии не должны препятствовать судьям применять закон независимо и беспристрастно, а сложности в функционировании новых технологий не могут мешать судам даже на короткий период времени выносить решения и предпринимать необходимые процедурные шаги².

Необходимо понимать, что само по себе внедрение новых информационных технологий автоматически не сделает правосудие более качественным, прозрачным или доступным. По-прежнему требуется планомерное соблюдение основных принципов делопроизводства. И, конечно же, в новых условиях необходимо стремиться обеспечить высочайший уровень безопасности информационных систем и защищенности имеющейся в них информации, а также соблюдать разумный баланс между электронным и бумажным оборотом. Современные цифровые технологии позволят лишь облегчить и ускорить принятие и реализацию правоприменительных решений.

¹ Гейко П. Цифровизация правосудия: преимущества и риски / П. Гейко // Адвокатская газета. – 2020. – 29 июля.

² Алешкова И.А. Судебная власть в условиях новой информационной реальности / И.А. Алешкова, О.Х. Молокаева // Государство и право в новой информационной реальности. Сборник научных трудов. – М., 2018. – С. 98.

В заключении можно сделать вывод о том, что цифровизация правосудия имеют положительный опыт и требуют дальнейшего планомерного развития по таким направлениям как дальнейшее информирование граждан о возможностях и потенциале новых информационных систем, разработка современных требований по защите имеющейся в электронных системах информации и привлечение профессиональных специалистов для разработки эффективных средств ее осуществления.

КАТЕГОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Жамборова Д.В.

преподаватель кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»

Категория справедливости остается одной из самых дискуссионных и противоречивых в современной российской науке. Справедливость является предметом изучения не только юридической науки, но и философии, этики, социологии, экономики и др. При этом, каждая из этих наук формирует свое определение справедливости, производит ее анализ, классификацию на виды и свойства. В наиболее общем виде справедливость можно определить как идею, содержащую в себе требование ответственности деяния и воздаяния. Хотя единого подхода к понятию категории справедливости не существует.

Несомненно, взаимосвязь справедливости и права признается практически всеми авторами, затрагивающими эту тему, однако мнения о том, в чем эта связь заключается, очень разнятся. Эту проблема поднимается в риторическом вопросе, сформулированном А.Ф. Черданцевым: «...где она, справедливость – до права, над правом, под правом или это само право?»¹.

¹ Черданцев А.Ф. Социалистическое право и справедливость / А.Ф. Черданцев // Справедливость и право. Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск : Изд-во СЮИ, 1989. – С. 5.

Наиболее распространенной точкой зрения признается та, согласно которой право неразрывно связано со справедливостью или отождествляется с ней. При этом, справедливость характеризуется различными авторами как свойство права, либо как его функция; как принцип права, либо как результат правовой деятельности. «Право, – утверждал Г. Гроций, – означает не что иное, как то, что справедливо, при этом преимущественно в отрицательном, а не в утвердительном смысле, так как право есть то, что не противоречит справедливости»¹.

Вызывает интерес позиция академика В.С. Нерсесянца, который практически отождествляет право и справедливость, лишая при этом «справедливость» нравственных и религиозных характеристик. Он утверждал, что справедливость входит в понятие права. «Право по определению справедливо, а справедливость – внутреннее свойство и качество права, категория и характеристика правовая, а не внеправовая (не моральная, нравственная, религиозная и т.д.). Более того, только право и справедливо». По его мнению, «какого-либо другого принципа, кроме правового, справедливость не имеет», а если признается, что «справедливость исходно представлена в том или ином внеправовом (социальном, политическом, религиозном, моральном и т.д.) начале, правиле, требовании», то тем самым, по его мнению, признается несправедливость права². Помимо этого, дискуссию о справедливости либо несправедливости права он считает нелогичной, «поскольку оно (уже по понятию) всегда справедливо и является носителем справедливости в социальном мире... Справедливо то, что выражает право, соответствует праву и следует праву. Действовать по справедливости – значит действовать правомерно...»³. Исходя из этого суждения, право по определению не может быть несправедливым.

Авторы, придерживающиеся противоположной точки зрения, считают, что отождествлять или соотносить право и справедливость неуместно. По их мнению, справедливость достаточ-

¹ Гроций Г. О праве войны и мира. – М. : Ладомир, 1994. – Кн. 1. – Гл. 1. § 3. – С. 68.

² Нерсесянц В.С. Философия права. – М. : Норма, 2000. – С. 31.

³ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. – М. : Норма, 1999. – С. 65–67.

но относительна и является не правовым понятием, а категорией моральной и нравственной. При сопоставлении права и справедливости в сторону их отождествления, не стоит игнорировать тот факт, что не все нормы права справедливы, как и не справедливы все судебные решения. Если мы поднимаем проблему соотношения права и справедливости, то мы не можем не затронуть проблему соотношения закона, права и справедливости. Значит, если право поглощает справедливость, то справедлив любой закон. Но зачастую законы не соответствуют справедливости и находятся за пределами права.

Право и закон не равнозначны. Право, безусловно, шире совокупности законов. «Субъективно сформулированное и объективно узаконенное юридическое право становится субъективно применяемой, но объективно действующей по отношению к индивидам и обществу правовой системой»¹, то есть право объективно, а закон выступает его субъективной формой, созданной человеком. Но это вовсе не означает, что закон, не соответствующий критериям справедливости, не является правовым. Если исходить из суждения, что несправедливый закон не является правом, то значит невозможно существование правопорядка, так как несправедливые законы существовали всегда.

Принятие только справедливых законов и их справедливое применение должно являться одной из основных задач государства. Практически невозможно создать абсолютно справедливый закон, который удовлетворил бы интересы всех социальных групп в целом, и каждого индивида по отдельности. Право, возведенное в ранг закона, отражает тот вариант справедливости, который в наибольшей степени охватывает интересы государства и общества на определенном этапе исторического развития.

Очевидно, что справедливость не может рассматриваться как исключительно правовая категория. Она находит свое выражение и представляется в праве, как и в других сферах общественной жизни, таких как политика, экономика, религия. Справедливость – это внутреннее свойство права, она выступает в качестве критерия, при котором деяние соответствует воздаянию,

¹ Иванов В.А. О диалектике институтов власти, собственности и права / В.А. Иванов, В.В. Иванов. – Ярославль : ЯГСХА, 2009. – С. 68.

при этом в нем пересекаются и согласуются интересы отдельных индивидов, общества и государства.

Особо стоит отметить тот факт, что в современном российском законодательстве справедливость не является абстрактным понятием. Принцип справедливости закреплен в преамбуле Конституции Российской Федерации, наряду с иными нравственными принципами, что устанавливает взаимосвязь права и нравственности, и дополняется правосознанием и воспитанием¹. При этом, закрепление принципа справедливости можно обнаружить во многих отраслях права, а указание на него может быть сделано непосредственно в норме права. В качестве примера можно привести ст.6 Уголовного кодекса Российской Федерации, закрепляющую принцип справедливости наказания и иных мер уголовно-правового характера, что является проявлением в уголовном законодательстве нравственной категории справедливости².

В то же время, неверно полагать, что справедливость выражается лишь в прямом закреплении этого принципа в норме права. Справедливость тесно переплетается с другими правовыми принципами и зачастую находит свое выражение через их реализацию. Например, применение определенного принципа права вместо нормы права, регулирующей конкретное правоотношение, будет являться проявлением справедливости в случае, если это способствует вынесению справедливого решения.

Исходя из этих суждений можно прийти к выводу, что справедливость – это категория, которая не отождествляется с правом, но находится с ним в тесной взаимосвязи и находит свое выражение в правотворчестве, правосознании и правоприменительной практике. Проблема толкования и определения справедливости существует и сегодня. Она имеет важнейшее значение для правопонимания и построения правовой системы, отвечающей всем требованиям государства и общества.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

ОСНОВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX В. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ О ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Карапетян Л.А.

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»

Проблема народного представительства как одного из признаков народного суверенитета была и остается в центре внимания политико-правовой практики и идеологии. От отношения к ней различных государственных, общественно-политических сил, в том числе политических партий и их фракций в парламенте зависит эффективность данного государственного органа. Прошедшее широкое обсуждение дополнений в Конституцию РФ, внесенных в конце июня – 01 июля 2020 путем всенародного голосования в том числе и в части расширения компетенции Государственной Думы тому свидетельство. Это актуализировало проблему. Поэтому обращение к историческому наследию имеет не только академическое, прикладное политическое значение.

В России начала XX в. определяющим вектором развития оставался «государство – общество – человек». Государство было неограниченным самодержавием, общество сословным, а основная масса российских подданных была лишена многих прав и свобод, особенно политических и тем самым была вовсе отстранена от участия в решении государственных вопросов.

В указанное время с усилением социального недовольства существующим положением, вылившимся в 1905 г. в революцию в отечественной теории государственоведения четко выявились три течения: консервативно-охранительное, либеральное и социалистическое. Идеологи консервативно-охранительного направления отстаивали существовавший на тот период абсолютную монархию. Либералы говорили о необходимости демократизации госу-

дарственного строя, введения Конституции и института народного представительства. Социалисты обосновывали концепцию революционного народного суверенитета.

Манифест 17 октября 1905 г., изданный под давлением нарастающего общественного движения, предоставлял населению гражданские права и свободы, в том числе и на создание политических организаций. Это означало для подданных принять участие в управлении государством. Возникли, а также вышли из подполья политические партии различной идеологической и тактической ориентации: право-монархической, либеральной, социалистической. В соответствии с их программными положениями они в целом совпадали с вышеотмеченными направлениями теории государственоведения.

Наиболее существенным изменением в государственном механизме было включение в него представительного органа. Манифест от 17 октября придал законосовещательной Булыгинской Думе законодательные права и расширил несколько избирательные права населения. Судя по третьему пункту Манифеста, речь шла об однопалатном выборном парламенте. Однако создавался двухпалатный парламент. 20 февраля 1906 г. были изданы законы о Государственной Думе и Государственном Совете, определявшие их формирование и компетенции. Госдума избиралась на пять лет по избирательному закону от 11 декабря 1905 г., базировавшийся на невсеобщей, неравной и непрямой избирательной системе. А по избирательному закону от 03 июня 1907 г., принятый в нарушение норм Основных законов, ограничительные меры возросли. Госсовет превращался в верхнюю палату парламента и включал поровну членов, назначаемых царем и представляющих различные сословия и учреждения.

Указанные изменения были включены в новую редакцию Основных государственных законов от 23 апреля 1906 г. Сохраняя за императором огромную власть, тем не менее, он ограничивался в законодательной сфере, которую делил с парламентом. Тем самым было положено начало эволюции России от абсолютной монархии к конституционной.

На обсуждение конференции выносится вопрос о месте Государственной Думы в государственном механизме России в контексте партийных концепций представительной власти.

Новая редакция Основных государственных законов включала нормы, ограничивавшие законодательную власть монарха,

которую он делил с Госсоветом и Госдумой (ст. 7)¹. Госудума «учреждается для обсуждения законодательных предположений, восходящих к Верховной самодержавной власти по силе Основных Государственных законов и в порядке, установленном в Учреждении Госдумы и Учреждении Госсовета (ст. 1)»². Согласно ст. 31 Дума наделялась следующими правами: законодательной инициативой по изданию, изменению, отмене нормативных правовых актов, кроме Основных законов (ст. 32); принятие бюджета контроль за исполнением бюджета и некоторые другие³.

Кроме того, Дума имела право запроса к министрам и главноуправляющим отдельными территориями, действия которых представлялись незаконными (ст. 33).

Каков порядок оформления законодательной инициативы и подачи депутатского запроса? В соответствии со ст. 55 заявление на имя председателя Думы подавалось не менее чем 30 депутатами. К заявлению прилагались проект предполагаемых основных положений и объяснительная записка. Ст. 56 требовала, чтобы не позднее, чем за месяц до рассмотрения заявления в Думе были поставлены в известность профильные министры и главноуправляющие отдельными частями, к предметам ведения которых оно относилось. Согласно ст. 57 при принятии общим собранием Думы положительного решения по заявлению, законопроект готовится и вносится в Думу указанными лицами. В случае их отказа Госдума может образовать из членов Думы комиссию для составления законопроекта.

Депутатский запрос также подписывается не менее чем 30 членами Думы, в противном случае председатель не вносит его на обсуждение палаты (с. 58). Принятое большинством палаты заявление сообщается соответствующим министрам, которые в течение месяца должны ответить, либо сообщают причины о невозможности этого (ст. 59). Но при условии, если Дума 2/3 голосов не будет удовлетворена ответами, то дело председателем Госсовета передавалось на усмотрение монарха (ст. 60)⁴.

¹ Основные Государственные законы // Свод законов. – СПб. : Русское книжное товарищество «Деятель», 1912. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 1.

² Там же. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 42.

³ Там же. – Т. 1. – Ч. 2. – С. 44.

⁴ Там же. – С. 44–46.

Указанные политические партии по-разному относились к этим изменениям. Правомонархические партии были противниками ограничения власти монарха. Но поскольку Государственная Дума была дарована царем, то эти партии не могли игнорировать ее. Однако на партийных форумах и избирательных программах в Думу Русское собрание, Союз русского народа, Союз архангела Михаила отмечалось, что Манифестом 17 октября власть монарха не ограничивалась, а Дума его помощница¹. Ими заявлялось: «Царское самодержавие исторически развившееся вместе с русской землей корнями своими глубоко проникающее в русскую народную почву, сохраняется в неприкосновенности и оберегается как священное наследие. Основываясь же на постоянном единении Царя с народом, оно не может, однако, перейти в форму какой-либо сделки, или договора между народом и Верховной властью с целью ограничения последней»². Союз русского народа отвергал институт ответственного министерства перед Государственной Думой, т.е. «перед преобладающей ее партией или случайным ее большинством, а только перед Царем и установленным, по его повелению, законом»³. Один из теоретиков монархизма Л.А. Тихомиров писал: «Монархия состоит в единоличном выражении идеи всего национального целого, а чтобы это могло быть фактом, а не вывеской необходимы известная организация и система учреждений. Народное представительство в монархии есть собственно орудие общения Монарха с национальным духом и интересами. Эта идея общения не только не имеет ничего общего с идеей представительства народной воли, но даже с ней несовместима. Идея представительства народной воли какими-либо выборными людьми сама в себе содержит отрицание монархии, ибо орган народного представительства в этом смысле есть сам Монарх... В монархии может быть только вопрос о способах общения с нацией, но никак не о представительстве народной воли при Монархе»⁴. Т.е. он является сторонником монархической формы народного представительства, которая принципи-

¹ Правые партии. Документы и материалы. 1905–1910 гг. – М. : Росспэн, 1998. – Т. 1. – С. 72, 128.

² Правые партии ... – С. 278.

³ Правые партии ... – С. 349.

⁴ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М. : Айрис Пресс, 2006. – С. 511.

ально отличается от демократической формы. Законотворчество этого народного представительства не ограничивало абсолютной власти царя. Так, В.М. Пуришкевич, один из лидеров СРН 17 ноября 1907 г. в Думе третьего созыва заявил, что пока русская Государственная Дума, как выразительница национальных идеалов, способствует обновлению государственного устройства по указанию царя, правые не допустят того, чтобы народное представительство, уже «воплотившее в себе веру, сердце и надежду народную было уничтожено»¹.

В противовес им социалистические партии, как сторонники теории народного суверенитета считали предлагаемые властью реформы явно недостаточными. Особенно критично они относились к полномочиям российского парламента. И если социалисты принимали участие в избирательных кампаниях в Государственную думу, то, прежде всего, с целью ее использования в пропагандистских целях. Таммерфорская конференция РСДРП в декабре 1905 г. в резолюции о Государственной думе определила генеральную линию к ней. В ней отмечалось, что правительство издевается над общенародным требованием учредительного собрания и избирательным законом 11 декабря 1905 г. не допускает в Думу пролетариат и крестьян. Ответом всего сознательного пролетариата на эти действия правительства будет борьба против подделки народного представительства, использование предвыборных собраний для призывов к вооруженному восстанию, успех которого позволить на основе демократического избирательного закона созвать Учредительное собрание². А съезд РСДРП в апреле 1906 г. указывал, что по компетенции и по отношению к Государственному совету Дума является бессильным учреждением. Вместе с тем говорилось об объективных причинах столкновения в Думе интересов нового буржуазного общества и старого режима, что «превратить даже такое мнимоконституционное учреждение из орудия контрреволюции в орудие революции». Поэтому следовало расширять и обострять различные конфликты. На это должны были быть направлены и усилия социал-

¹ Казанский П.Е. Власть всероссийского императора. – М. : Фонд ИВ, 2007. – С. 458.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференции и пленумов ЦК. 1898–1917. – М. : Изд-во Политической литературы, 1970. – Т. 1. – С. 137–138.

демократической группы в Думе в случае принятия участие в ее работе в зависимости от обстоятельств¹. В ноябре 1906г. в связи со спадом революции всероссийская конференция приняла решение принять участие в выборах в Думу второго созыва. В соответствии с резолюциями пятого съезда РСДРП в мае 1907 г. главной задачей партии в Думе считалась пропагандистская, агитационная и организующая роль думской фракции как одной из партийных организаций и этой цели должны были служить и ее законопроекты. Следовало вести борьбу также с буржуазным либерализмом и их требованием ответственного министерства, что означало при такой Думе сделки буржуазии с самодержавием².

Партия социалистов-революционеров еще в июне 1905 г. до издания законов о Госдуме именовала ее «жалким искажением западноевропейского парламента»³. Практически такую же оценку Думе дал первый съезд партии (конец декабря 1905 – начало января 1906 г.) и идеолог В.М. Чернов. Один из руководителей партии Г.А. Гершуни в мае 1906 г. уже после обнародования правовых норм о парламенте отмечал, что «как законодательное учреждение, от которого можно ждать каких-либо реальных результатов, она – нуль. Но как выразительница оппозиционного и некоторой части революционного настроения страны – величина крупная... Партия не имела и не собирается иметь в Думе партийной фракции». Далее указывалось, что отношение к ней будет зависеть от ее поведения. Партия выступит против, если ее политика будет реакционной, при ее оппозиционности – не противодействуем, а если станет на революционный путь – поддержим, поскольку это позволит созвать Учредительное собрание на основе демократического избирательного закона⁴.

Социал-демократы и социалисты-революционеры избирательный закон 1907 г., принятый с нарушениями Основных законов, использовали в агитационных целях.

Из либеральных партий наиболее крупными были кадеты и октябристы. Именно в них, особенно в составе кадетской партии, была сосредоточена юридическая элита России. Из всех партий

¹ КПСС в резолюциях ... – С. 160, 173–174.

² КПСС в резолюциях ... – С. 210, 215–216.

³ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1900–1907 гг. – М. : Росспэн, 1996. – Т. 1. – С. 174.

⁴ Партия социалистов-революционеров ... – С. 196–198.

они наиболее предметно анализировали законодательство о Думе и предлагали серьезные коррективы. Однако при совпадении взглядов на некоторые вопросы у них имелись и принципиальные различия. Как парламентские партии они принимали участие в работе Думы всех 4-х созывов начала XX в.

Октябристы, будучи сторонниками Манифеста 17 октября были озабочены законами, идущими в разрез с его принципами. В первую очередь партия высказывала недовольство с законом о Государственном Совете и рассчитывала на то, что Дума изменит такое положение. Однако 27 февраля 1906 г. выявилось различное отношение к этому вопросу Московского и Петербургского центральных комитетов. Первый считал, что акты 20-го февраля, бесспорно, противоречат установленным Манифестом 17 октября началам конституционного строя нашего государства, а второй был не согласен с этим подходом. В постановлении Московского ЦК содержалось предложение о включении в закон нормы, согласно которой «при неодобрении Госсоветом законопроекта, принятого Думой, он должен быть возвращен в Думу для вторичного рассмотрения. В случае подтверждения Думой первоначального решения законопроект поступает на усмотрение верховной власти от имени председателей обеих палат, а не только председателя Госсовета. Петербургский ЦК с этим в принципе соглашался, но требовал при вторичном рассмотрении в Думе для преодоления вето Госсовета не менее 2/3 голосов. Другим не менее существенным недостатком преобразованного Госсовета октябристы считали сохранение в нем департаментов, в состав которых входят лишь лица по назначению¹. Однако нормативно-правовой акт о Госсовете в неизменном виде вошел в Основной закон, а законодательная инициатива по его изменению принадлежала только императору, что не устраивало партию. Это нашло отражение в дополненной на втором съезде партии в мае 1907 г. программы. В ней «особое внимание уделено компетенции 2-х палатного (Госсовет и Дума) народного представительства, которое наделяется законодательной властью, принимает госбюджет, контролирует правительство, ответственное и перед императором, и парламентом. В случае нарушения законности ми-

¹ Политические партии России // Партия Союз 17 октября. Протоколы съездов и заседаний ЦК. – М. : Росспэн, 1996. – Т. 1. – С. 176.

нистрами, против них обеими палатами возбуждается судебное преследование. Предлагалась конструкция власти с тремя элементами сдержек – император и две палаты парламента, напоминающая «австрийскую модель».

Кадетская концепция представительной власти исходила из персонцентристского подхода, означающего, что человек и его основные права являются неотчуждаемыми. Задача же государства гарантировать их, включив в действующее законодательство, прежде всего в Конституцию. Принцип разделения властей выполнял именно эту роль. Выборы в парламент (вопрос о его структуре – однопалатный или двухпалатный долгое время оставался в партийной программе открытым) проводились на основе демократического избирательного закона. Здесь их позиция совпадала с вышеотмеченными социалистическими партиями. Кадеты были недовольны позитивным законодательством относительно компетенции Государственной Думы, в первую очередь в вопросах бюджета и финансов в целом, в которых Дума была серьезно ограничена. В финансово-бюджетных вопросах имело место совпадение воззрений кадетов и октябристов. В частности, речь идет «об изъятиях из ведения Думы таких категорий расходов, которые не подлежали исключению, сокращению, изменению – это расходы по государственному долгу (ст. 114 Основных законов); не подлежащие обсуждению парламента – кредиты на расходы императорского двора, канцелярии императора и императрицы (ст. 115 Основных законов)»; отношение парламента к вопросу о государственных займах (ст. 118)». Обе партии негативно относились к ст. 87 Основных законов. Однако существенное различие кадетской концепции от октябристской заключалась в теории парламентаризма, в которой независимый парламент олицетворял верховную власть и контролировал правительство.

Итак, речь идет о трех моделях представительной власти.

1. В парвомонархической концепции законодательство о ней совпадало с действовавшим позитивным правом. Хотя сама власть и нарушила положение Манифеста 17 октября о парламенте.

2. В социалистической теории вопрос о законотворчестве Думы увязывался с необходимостью его использования для созыва Учредительного собрания.

3. Идея превращения Думы в Учредительное собрание была не чужда и кадетам. Однако либеральная концепция исходила из роли Думы в теории правового государства. При этом октябристы основывались на дарованном императором Манифесте 17 октября, а кадеты исходили из базовых неотчуждаемых прав человека, который самостоятельно принимает конституцию.

4. Актуализируя проблему путем сравнения партийных концепций с современным статусом Думы, следует отметить признаки ее сходства с октябристской теорией представительной власти.

ЮРИДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ковалева В.В.

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой
общетеоретических правовых дисциплин,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»

На современном этапе развития общества одной из ключевых проблем является поиск оптимальных средств регулирования динамично развивающихся существующих и появляющихся новых общественных отношений, требующих соответствующую систему необходимых юридических инструментов. Как совершенно верно отмечается в юридической литературе в современном технологическом обществе право сталкивается с известной проблемой, которая заключается в необходимости одновременного и сбалансированного решения двух отчасти противоположных задач: стимулирования инновационных разработок и предупреждения возможных рисков для человеческой личности, которые с неизбежностью несут в себе любые экспериментальные решения¹. Решение этих задач невозможно без надлежащего

¹ Право и биомедицина : монография / Отв. ред. Ф.В. Цомартова. – М. : ИГиСП: Норма : ИНФРА-М, 2021. – С. 16.

правового инструментария, в связи с этим следует согласиться с профессором В.А. Сапуном, что от правильного выбора правовых средств зависит достижение целей правового регулирования и, в конечном счете, эффективность права в целом. Недооценка, неверный выбор юридических средств, приемов, правовых режимов, заложенных в нормативной основе правового регулирования, приводят к сбоям в реализации права, снижению ее эффективности¹. Ввиду этой известной и достаточно хорошо разработанной категории «юридические средства» требует переосмысления с учетом развития высоких технологий.

Для целей настоящего исследования необходимо обратиться к истории вопроса и отметить, что категория «юридические средства», в теории права появилась сравнительно недавно, профессор С.С. Алексеев² впервые на общетеоретическом уровне рассмотрел данную категорию. Ученый писал, что правовые средства – это субстанциональные, институционные явления правовой действительности, воплощающие регулятивную силу права, его энергию, им принадлежит роль ее активных центров³. При этом С.С. Алексеев небезосновательно подчеркивал, что надлежащее использование правовых средств означает фактическое проведение в жизнь собственной ценности права, использование богатого потенциала правовой основы государственной и общественной жизни⁴. С.С. Алексеев считал, что правовые средства не образуют каких-то особых, принципиально отличных от традиционных, зафиксированных в общепринятом понятийном аппарате явлений правовой действительности, автор писал, что вопрос правовых средств – не столько вопрос обособления в особое подразделение тех или иных фрагментов правовой действительности, сколько вопрос их особого видения в строго определенном ракурсе – их функционального предназначения, их роли как инструментов оптимального решения социальных задач, и выделял следующие признаки правовых средств: субстанциональность правовых явлений; возможность их использования субъектами;

¹ Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... докт. юрид. наук. – 2002. – 321 с.

² Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12–19.

³ Там же. – С. 14.

⁴ Там же. – С. 16.

наличие в правовых явлениях социальной силы, своего рода юридической энергии¹.

Далее существенный вклад в разработку правовых средств внес В.А. Сапун², который отмечал, что категория «правовое средство» занимает свою собственную ячейку в категориальном аппарате общей теории права, в отличие от иных явлений правовой действительности, таких как правовая деятельность, правосознание, правовая культура. Правовые явления, представленные в качестве правовых средств, обладают регулятивным потенциалом, отличаются реальной применимостью, их использование в процессе юридической деятельности приводит к достижению социально-значимых результатов³.

Анализ представленных точек зрения позволяет сделать вывод, что юридические средства – это явления, которые используются как необходимые юридические инструменты для достижения целей правового регулирования.

Ввиду этого небезынтересным представляется позиция профессора А.В. Малько, который в свое время правовые средства определял как правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей⁴. Ученый, таким образом, под правовыми средствами понимал не только субстанциональные правовые явления, но и юридическую деятельность. Безусловно, нельзя игнорировать тот факт, что юридическая деятельность имеет важнейшее значение, но на наш взгляд, когда мы рассматриваем юридические средства, в них не следует включать юридическую деятельность, которая в силу своей значимости и сложности занимает собственное место в понятийно-категориальном аппарате теории права⁵.

¹ Алексеев С.С. Теория права. – М. : Издательство БЕК, 1994. – С. 151–152.

² Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-р юрид. наук: 12.00.01. – М., 2002. – 321 с.

³ Там же.

⁴ Малько А.В. Цели и средства в праве. Теория государства и права : учебник. – М. : Юристъ, 2002. – С. 465.

⁵ См., например: Шагиев Б.В. Юридическая деятельность в современном российском обществе (Теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 2003. – С. 154

Далее следует остановиться еще на одном принципиальном моменте, в советском правоведении ввиду методологического монизма и отсутствия различных типов понимания права, использовалось понятие «правовые средства», в настоящее время мы полагаем, чтобы нивелировать ряд вопросов, связанных с разграничением правового и неправового, будем использовать понятие «юридические средства». Например, профессор В.В. Ершов на основе научно обоснованной концепции интегративного правовопонимания дифференцирует правовое и индивидуальное регулирование правоотношений¹.

Исходя из данного подхода под юридическими средствами правового регулирования – понимается система субстанциональных правовых явлений, используемая для создания оптимальным моделям правовой регуляции. Данное определение позволит рассмотреть особенности юридического инструментария регулирования правоотношений в высокотехнологичной сфере. Как верно отмечает профессор В.В. Блажеев: «Современному юристу, ставящему перед собой задачу разобраться в тонкостях нормативно-правового регулирования инновационной деятельности, важно акцентировать внимание на таких аспектах правовой регламентации указанной сферы, как формирование моделей правового регулирования инновационной инфраструктуры и регулирования объектов инфраструктуры инновационного развития»². Безусловно, юридическое научное сообщество находится в активном поиске надлежащего юридического инструментария.

Наше исследование будет не полным если мы не обратим внимание на классификацию юридических средств, как верно отметил профессор С.С. Алексеев: «Главное – классификация дает возможность при определении ее критериев выявить новые черты, качественные особенности данных предметов и явлений»³.

¹ Ершов В.В. Регулирование правоотношений: монография. – М. : РГУП, 2020. – С. 18.

² Трансформация моделей правового регулирования объектов инновационной инфраструктуры в современном праве: российский и зарубежный опыт : монография / Под. общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – М., 2021. – С. 4.

³ Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 16.

Особый интерес представляет классификация на основе такого критерия как состав юридических средств, на его основе выделяются отдельные и комплексные¹ юридические средства. Данная классификация имеет особое значение так как для регулирования правоотношений в сфере высоких технологий востребованы и отдельные инструменты, прежде всего, принципы, нормы, так и их комплексы, например, особые правовые режимы, в том числе экспериментальные.

Анализ юридической литературы, посвященный проблемам правового регулирования отношений в высокотехнологичной среде, позволил прийти к выводу, о том, что существующие юридические средства, их определенное сочетание, составляющие определенные правовые режимы, не соответствуют указанным отношением. Так, например, Ф.В. Цомартова пишет, что традиционные режимы правового регулирования, такие как лицензирование продукции, контроль за исследованиями и разработками, возможность применения механизмов деликтной ответственности не вполне пригодны для управления рисками, связанными с применением автономных систем искусственного интеллекта в сфере здравоохранения². Автор пишет, что в настоящее время наметилось соперничество между государственными и частными регуляторами в сфере разработки и применения медицинской робототехники, ввиду этого для преодоления сложившейся ситуации в западной теории права активно разрабатывается концепция правового регулирования основанная на принципах, которая противопоставляется правовому регулированию, основанному на правилах, суть указанной выше концепции заключается в меньшей ориентации на детально прописанные правила и большей концентрации на результатах, целях, которые необходимо достичь³. Полагаем, что появление такой концепции является закономерностью, ввиду динамизма и сложности отношений связан-

¹ Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С.С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 16.

² Юридическая концепция роботизации : монография / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. – М., 2021. – С. 167.

³ Там же. – С. 167–168.

ных с использованием различных технологий, и это касается не только медицины, но и иных высокотехнологичных сфер. Конкретная норма права как юридическое средство вытесняется более востребованным инструментом – принципом права. Как отмечает профессор В.В. Ершов, принципы права по отношению к нормам права являются первичными регуляторами правоотношений в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального международного права, реализуемого в государстве, при этом профессор подчеркивает, что основополагающие (общие), специальные принципы и принципы отдельных институтов права – основания всеобщей связи систем форм национального и международного права, «есть... единое», в результате конкретизации которых должны вырабатываться нормы права, более определенное право, ожидаемая и единообразная правореализационная (в том числе – судебная) практика¹.

Таким образом, в условиях развития высоких технологий мы видим изменения в востребованности юридических средств. Принципы права как общие положения позволяющие развиваться новым технологиям, не ограничивая их, как конкретные нормы, являются более эффективными регуляторами, кроме того, законодатель предоставил возможность самостоятельно определять необходимый юридический инструментарий в рамках экспериментальных правовых режимах. В любом случае инструментальный подход в теории права сейчас востребован в силу специфичности регулируемых отношений в высокотехнологичной сфере.

¹ Ершов В.В. Регулирование правоотношений : монография. – М. : РГУП, 2020. – С. 247.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАВОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ: ГРАНИ СООТНОШЕНИЯ

Мартыненко Б.К.

кандидат юридических наук,
профессор кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»

Мартыненко Г.К.

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»

Несколько замечаний по вопросу правового регулирования.

Традиционно, правовое регулирование понимается как целенаправленное воздействие с помощью правовых средств на общественные отношения. Однако, не является правовым регулированием воздействие, выполняемое неюридическими средствами. Право не должно, да и не может регулировать все общественные отношения, все социальные связи членов общества. И на каждом конкретно-историческом этапе общественного развития должна быть достаточно точно определена сфера правового регулирования.

Если сфера правового регулирования «заужена», то в обществе возникает угроза произвола, хаоса, непредсказуемости в тех областях человеческих отношений, которые следует упорядочить с помощью норм права. А если же область правового регулирования неоправданно расширена, то формируются условия для «заурегулированности» поведения людей, что на практике ведет к социальной пассивности членов общества.

История правовой жизни общества неоспоримо свидетельствует, что в сферу правового регулирования входят три группы общественных отношений. Первую группу составляют отноше-

ния людей по обмену ценностями, как материальными, так и нематериальными. Обязательность признания правил обеспечена действенной силой специального аппарата правового принуждения. Во вторую группу входят отношения по властному управлению обществом, в котором заинтересованы и человек, и общество. Третью группу составляют отношения по обеспечению правопорядка. Эти отношения возникают из нарушения правил, регламентирующих поведение людей в двух указанных выше сферах.

Способы правового регулирования определяются характером зафиксированного в норме права предписания, способами воздействия на поведение людей. В теории права принято выделять три основных способа правового регулирования. Первый способ – предоставление участнику правовых отношений субъективных прав (управомочивание). Второй способ – обязывание совершить какие-то действия. Третий способ – запрещение, т.е. возложение обязанности воздерживаться от определенных действий. Второй и третий способы имеют определенное сходство: и тот и другой предполагают возложение обязанностей. Однако, если в одном случае обязанности имеют позитивный, активный характер, то в другом – пассивный.

В качестве дополнительных способов правового воздействия можно указать на применение мер принуждения. Во-первых, он представляет собой вид обязанности: юридическая ответственность может рассматриваться как обязанность претерпевать лишения. Во-вторых, этим способом обеспечивается надлежащее исполнение предоставленных прав, исполнение возложенных обязанностей, соблюдение установленных запретов. К дополнительным способам относится предупредительное (превентивное) воздействие норм, предусматривающих возможность применения правового принуждения.

Ну а теперь перейдем к анализу конструкта принуждения. Принуждение – это один из методов управления, основанный на порицании и применении мер наказания за нарушение установленных норм. Принуждение представляет собой такое воздействие, целью которого является заставление принуждаемого действовать определенным образом вопреки его собственной воле

вследствие силового воздействия либо под угрозой наступления неблагоприятных для него последствий¹.

Принуждение, несомненно, есть акт насильственный. Этот акт может быть правовым и неправовым. В любом случае принуждение ограничивает свободу индивида. Правовое (основанное на законе) принуждение направлено на соблюдение законов. Принуждение стесняет внешнюю свободу индивида, но это необходимая плата общества за свое существование: закон, ограничивая своеволие граждан, обеспечивает условия сохранения общества. Нормы права проводятся в жизнь государством. Если бы не было государства, то право было бы бессильно. А если бы не было права, то государство не имело бы смысла своего существования. Право, таким образом, с необходимостью содержит в себе элемент принуждения². Принуждение – как явление социальной действительности, имеет следующие признаки:

1) принуждение представляет собой воздействие на сознание и поведение социальных субъектов – внешнее или внутреннее;

2) является субъектно-объектным отношением;

3) представляет собой активное осознанное волевое действие;

4) всегда инструментально;

5) ограничивает внутреннюю и внешнюю свободу принуждаемого;

6) всегда оценивается как неблагоприятное воздействие тем, в отношении кого оно применяется;

7) является проявлением власти, одним из способов ее реализации;

8) несет этическую окраску;

9) применяется только в условиях конфликта интересов и выступает средством его разрешения;

¹ Лановая Г.М. Принуждение в системе форм правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – С. 10.

² Кочергин А.Н. Право и принуждение как феномены культуры / А.Н. Кочергин; Отв. ред. А.А. Воронина // Культура. Образование. Право: Материалы Международной заочной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», апрель 2008 г.). – Екатеринбург, 2008. – С. 133.

10) базируется на силе его субъекта¹.

Государственная власть не может обойтись без особого, только ей присущего вида принуждения – государственного – психологического, материального или физического (насильственного) воздействия полномочных органов и должностных лиц государства на личность с целью заставить (принудить) её действовать по воле властвующего субъекта, в интересах государства².

Принуждение существует в любом человеческом обществе и является одним из необходимых методов поддержания в нём организованности и порядка. Сущность принуждения сводится к такому воздействию, в результате которого человек ведёт себя вопреки своей воле, но в интересах общества и государства. Принуждается член общества к исполнению обязанностей, к соблюдению запретов.

По своему конкретному содержанию государственное принуждение делится на физическое и психическое (психологическое). Оба эти вида принудительного воздействия различны по содержанию, но выражают общую сущность. Тот или иной вид государственного принуждения определяется сферой воздействия на объект. Государственное принуждение опосредуется в праве, выступает в форме правового принуждения и выражается в конкретных принудительных мерах, применяемых компетентными государственными органами.

Принуждение характеризуется рядом признаков: является в полной мере правовым, подчиняется общим принципам права; применяется на основе строгой правовой регламентации, нормативного установления оснований, порядка и процедуры реализации конкретных мер принудительного воздействия. Назначение принуждения состоит в восстановлении социальной справедливости, воспитании правонарушителей, предупреждении новых правонарушений.

Нельзя не заметить, что в течение столетий право и насилие отождествлялись, особенно – в обыденном сознании, с правом все-

¹ Лановая Г.М. Указ. соч. – С. 11.

² Теория государства и права : учебник для вузов / Под ред. В.М. Корельского и проф. В.Д. Первалова. – 2 изд., изм и доп. – М, 2003. – С. 136.

гда связывалась готовность его отстаивать. В этой связи, следует сопоставить категории насилия и принуждения.

По нашему мнению, под категорией насилия следует понимать преднамеренные, виновно совершенные в любой форме действия с целью причинения реального вреда правам, свободам и законным интересам человека, осуществленные вопреки воли человека и направленные против его физической, психологической, духовной и иной неприкосновенности.

Насилие практически невозможно без принуждения. Принуждение – это психологическое, материальное или физическое (насильственное) воздействие с целью заставить (принудить) действовать по воле субъекта, и в его интересах. Как мы уже отмечали, принуждение бывает правовым и неправовым. В свою очередь неправовое принуждение – является самим насилием как таковым.

Не случайно Н.В. Иванцова¹ отметила, что одной из главных функций насилия является принуждение. Можно сказать так, что насилие достигает своей принудительной цели в тот момент, когда оно настигает свою жертву. В толковых словарях подчеркивается о тесной связи этих терминов. А.И. Бойко, осуществивший сравнительный анализ концептуальных идей о борьбе с преступностью в Древнем Риме и в современном уголовном праве, в глоссарии (словаре латинских терминов по уголовному праву) термины «сила», «принуждение», «насилие» употребляет в одном синонимическом ряду². То же самое мы находим и в словаре синонимов русского языка³.

Причина более частого самостоятельного использования понятия «насилие», чем «принуждение», во-первых, в том, что насилие несравненно в большем количестве случаев применяется при совершении преступлений, чем другой вид принуждения – ограничение свободы волеизъявления. Во-вторых, в том, что по

¹ Иванцова Н.В. Отражение и оценка общественно опасного насилия в уголовном праве: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2005. – С. 37–43.

² Бойко А.И. Римское и современное уголовное право. – СПб., 2003. – С. 237.

³ Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. – М. : Русский язык, 2001. – С. 229–385.

отношению к некоторым преступлениям такой вид принуждения, как ограничение свободы, не способен выступать отягчающим обстоятельством, поэтому используется не общая формулировка (принуждение), а конкретная (насилие)¹.

То обстоятельство, что принуждение всегда есть действие силы, насилие же является принуждением лишь тогда, когда оно инструментально, позволяет сделать вывод о том, что понятия «принуждение» и «насилие» соотносятся как родовое и видовое. Принуждение всегда есть средство достижения конкретной цели, способ заставления, насилие – не всегда; принуждение имеет место лишь там, где существует конфликт интересов, насилие может осуществляться и в бесконфликтной ситуации; принуждение всегда осуществляется вопреки воле индивида (или группы индивидов), в отношении которого оно применяется, насилие может не только не быть связанным с преодолением чьей-либо воли, но даже способствовать ее реализации².

Таким образом, мы считаем необоснованным противопоставлять термины насилие и принуждение³, поскольку принуждение является психической функцией насилия, составляет его «начинку», направлено на подавление свободы волеизъявления потерпевшего.

Меры принуждения, применяемые государством, не есть насилие, поскольку не влекут намеренного целенаправленного причинения вреда. Принуждение подразумевается, но только в положительном контексте как реализация охранительной функции государства и права. Отличие в том, что если «принуждение» может употребляться как в положительном, так и в отрицательном смыслах, то «насилие» – только в отрицательном⁴.

Для нашего исследования целесообразно рассмотреть один из видов государственного принуждения – принуждение в праве.

¹ Алексеев И.Н. Понуждение, принуждение и насилие в уголовном праве / И.Н. Алексеев // Уголовный процесс. – 2006. – № 1. – С. 12.

² Лановая Г.М. Указ. соч. – С. 11.

³ Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования). – Ульяновск : УлГУ, 2002. – С. 13.

⁴ Алексеев И.Н. Указ. соч. – С. 11.

Это такой способ воздействия, когда предписываемое правовой нормой поведение достигается путём силового давления, насилия. На практике его примером могут служить меры пресечения, угроза наказания, наказание, применение мер административного, дисциплинарного воздействия.

В теории права выделяют ряд методов государственного воздействия, используемых для выполнения поставленных целей. В их числе: нормативное регулирование, структуризация (метод организации), легализация, правонаделение; распределение, учёт, контроль, убеждение, поощрение, разрешение споров, принуждение, вооруженное подавление¹.

Принуждение в праве выступает как правовое принуждение (принуждение в праве) и обладает рядом характерных черт².

Во-первых, это государственное принуждение, под которым понимается внешнее воздействие на поведение, основанное на организованной силе государства и направленное на безусловное утверждение государственной воли.

Во-вторых, это разновидность государственного принуждения, т.к. государственное принуждение может быть не только правовым, но и выражаться в прямых, фактических актах принуждения, т.е. своего рода актах государственного насилия.

В-третьих, принуждение в праве отличает особая цель – оно всегда есть принуждение к осуществлению юридических норм, предписаний права.

В-четвертых, принуждение в праве – это такое принуждение к осуществлению норм права, которое производится на законных, т.е. на правовых основаниях.

В-пятых, правовому принуждению свойственны определенные процедурные формы, в которых оно должно осуществляться, т.е. сам процесс осуществления правового принуждения должен быть регламентирован правом.

¹ Панаева О.В. Принуждение в трудовом праве / О.В. Панаева; Отв. ред. А.А. Воронина // Культура. Образование. Право: Материалы Международной заочной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», апрель 2008 г.). – Екатеринбург, 2008. – С. 245.

² Там же. – С. 247–248.

Меры правового принуждения можно разделить на виды:

- 1) превентивные (предупредительные) меры,
- 2) меры правовой защиты;
- 3) меры юридической ответственности.

Они различаются прежде всего по своим основаниям и целевому назначению.

Особо заметим, что принуждение и юридическая ответственность неразрывно связаны. За несоблюдение норм права, которое обеспечивается с помощью принуждения, стороны привлекаются к различным видам юридической ответственности, которая чаще всего определяется через различные формы государственного принуждения. Это объясняется тем, что правовая ответственность, как правило, рассматривается лишь в позитивном аспекте. В результате вся проблема ответственности сводится в основном к борьбе с преступностью.

Между тем, государственное принуждение применяется только при негативной (ретроспективной) ответственности как вспомогательное средство, которое нельзя распространять на все разновидности ответственности.

Юридическая ответственность – это ответственность правового характера, то есть, она подчинена общим принципам данной правовой системы, нормативно регламентирована (закреплена в нормах права), осуществляется через юридические механизмы (применение права) в развитых процессуальных формах.

Как самостоятельный и необходимый элемент механизма правового регулирования юридическая ответственность характеризуется тремя специфическими признаками:

- 1) представляет собой вид государственного принуждения;
- 2) единственным основанием применения ответственности выступает правонарушение;
- 3) выражается в применении негативных, отрицательных мер к лицу, совершившему правонарушение.

Применение ответственности всегда характеризуется отрицательными последствиями для правонарушителя. Такие последствия могут быть:

- 1) психологическими (выражаются в осуждении государством поведения правонарушителя);

2) имущественными (могут выражаться в уплате им штрафа, пени, неустойки, отбытии исправительных работ, лишении конфискованного имущества);

3) организационно-правовыми (сводятся к ограничению прав и свобод правонарушителя. Это может быть административный арест, лишение специального права, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, лишение свободы на определенный срок или пожизненно).

Подводя итоги нашего исследования, мы можем констатировать, что правовое регулирование и правовое принуждение это теснейшим образом связанные между собой правовые категории. Меры принуждения – это дополнительные способы правового воздействия.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ В 20-Е ГОДЫ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ЖИЛИЩНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)

Микуленок Ю.А.

кандидат исторических наук,

доцент кафедры

общетеоретических правовых дисциплин,

СКФ ФГБОУВО «РГУП»

Н ЭП – это период формирования советского общества. Это революционный переходный период, обнаживший социально-экономические проблемы, в том числе и жилищную. Жилищные проблемы дореволюционной России (перенаселенность доходных домов, отсутствие частной застройки, дороговизна съемного жилья и др.) обострились с приходом советской власти. В рамках нового советского государства необходимо было на законодательном уровне выработать механизмы, регулирующие «жилищный вопрос».

Новая власть прежде всего опиралась на пролетариат, поэтому «жилищный вопрос» должен был быть решен в пользу рабочего класса. Конституция РСФСР 1918 г. провозгласила установление социалистической Республики¹, однако жилищный вопрос она не затронула. На VIII съезде РКП(б) были определены основные направления новой жилищной политики²:

1) ущемление «бывших» (экспроприация жизненных средств и благ у крупной буржуазии);

2) выселение крупной буржуазии из домов³ и массовое вселение рабочих;

3) улучшение жилищных условий трудящихся масс; уничтожение скученности и антисанитарных условий; строительство новых жилищ и реконструкция старых⁴.

Период НЭПа – это начало становления советского жилищного права. Так, были приняты Гражданский кодекс РСФСР и жилищное законодательство, регламентирующее жилищные отношения, частную застройку, куплю-продажу и аренду жилых помещений. Хотя стоит отметить, Гражданский кодекс не содержал понятий «право на жилище», и вместо понятие «жилище» законодатель использовал смежные понятия «жилье», «жилые помещения»⁵ и «жилая площадь».

Еще в октябре 1917 г. В.И. Ленин выдвинул идею о конфискации квартир богатых горожан, где число комнат было больше, чем проживающих в квартире людей. При этом оговаривалось, что решать жилищный вопрос за счет некапиталистического до-

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов на заседании от 10 июля 1918 года. – URL : <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm#1> (дата обращения 24.04.2021). Ст. 1.

² Верещак С.Б. История развития жилищного права в России советского периода (1917–1985 гг.) / С.Б. Верещак // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 3. – С. 114.

³ Протоколы съездов и конференций Всесоюзной Коммунистической партии (б). Восьмой съезд РКП(б) (март 1919 года) / Под ред. Е. Ярославского. – М., 1933. – С. 46.

⁴ Там же. – С. 378.

⁵ Верещак С.Б. Становление правового регулирования жилищных прав граждан в период НЭПа (1921–1929 гг.) / С.Б. Верещак // Юридический журнал. – 2011. – № 4. – С. 209.

мовладения власть не будет. Декрет СНК от 29 декабря 1917 г. запретил сделки с недвижимостью, в августе 1918 г. была отменена частная собственность на недвижимое имущество в городах¹, что привело к перераспределению жилищного фонда, начался процесс муниципализации, советская власть стала проводить политику выселения и «ущемления» «бывших».

В пустующие квартиры «бывших», согласно Постановлению НКВД «О правах городских самоуправлений в деле регулирования жилищного вопроса», заселялись нуждающиеся в жилье граждане или живущие в опасных для здоровья жилых помещениях². Однако в Постановлении не было четких разграничений понятия «нуждающийся». Кого считать нуждающимся? Тех, кто жил в аварийных зданиях и антисанитарных условиях? Всех рабочих, у которых не было собственного жилья? Как показывает анализ жалоб, поступавших в центральные и региональные контрольные органы, нередко «нуждающимися» оказывались чиновники и ответственные партийные работники.

Жилая площадь для «бывших» ограничивалась одной комнатой из расчета на двух человек³. Комнаты в домах буржуазии в среднем достигали 25–40 кв. м. Квартирный передел преследовал несколько целей: с одной стороны – решить «жилищный вопрос», а в условиях «жилищного голода» удовлетворить всех желающих такой нормой было невозможно. Поэтому была введена минимальная санитарная норма в 8 кв. м. С другой стороны – это позволило решить и идеологические задачи: создать систему контроля, в том числе и над «бывшими», и использовать жилье как средство поощрения и наказания. Комнаты, превышающие эту норму, были «уплотнены». Однако существовали категории граждан, которые пользовались правом дополнительной жилой площади: лица, страдающие болезнями, требующими изоляции;

¹ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социальный аспекты становления. – М., 2010. – С. 117–118.

² Лебина Н.Б. О пользе игры в бисер (микросотория как метод изучения норм и аномалий советской повседневности 20–30-х годов) / Н.Б. Лебина // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920–30-е годы. – СПб., – 2000. – С. 12.

³ Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 гг.). – М., 2008. – С. 16.

служащие государственных учреждений, занимающие высокие посты; сотрудники военного и морского ведомств; научные работники; практикующие врачи¹.

Декретом СНК от 25 мая 1920 г. «О мерах правильного распределения жилищ среди трудящегося населения» было предусмотрено уплотнение граждан, для чего им предоставлялся двухнедельный срок для подыскания себе сожителей². В случае, если за две недели квартира не была уплотнена, жилищные отделы производили принудительное «уплотнение». У выселяемых лиц вместе с квартирой отбирались мебель, домашняя утварь, одежда³. Изъятые квадратные метры передавались Коммунальным отделам, которые и распределяли их. В первую очередь, заселению подлежали рабочие физического труда с окладом от 20 до 100 руб., инвалиды, красноармейцы и их семьи. Во вторую, очередь – служащие и рабочие, получающие от 100 руб.⁴

Гражданский кодекс СССР 1922 г. знал следующие формы собственности:

- а) государственная (национализированная и муниципализированная);
- б) кооперативная;
- в) частная⁵.

Субъектами жилищного права были частные лица, кооперативы и государство. Собственнику принадлежало в пределах, установленных законом, право владения, пользования и распоряжения имуществом.

Муниципализированный фонд передавался в руки Жилищно-арендных товариществ (ЖАКТ). Членами жилищного товарищества могли быть все совершеннолетние жильцы дома, не лишённые избирательных прав. На жилтоварищества были возложены следующие обязанности: выполнение ремонтных работ; содержание дома в безупречном санитарном и гигиеническом со-

¹ Жилищное законодательство: Сборник декретов, распоряжений и инструкций с комментариями / Сост. Д.И. Шейнис. – М., 1926. – С. 255–256.

² Верещак С.Б. История развития жилищного права в России... – С. 117.

³ Черных А. И. Становление России советской: 20-е годы в зеркале социологии / А.И. Черных. – М., 1998. – С. 195.

⁴ Жилищный справочник по Краснодару. – Краснодар, 1932. – С. 20.

⁵ Гражданский кодекс СССР. М., 1926. Ст. 52.

стоянии; своевременное внесение всех государственных и коммунальных сборов и налогов; соблюдение противопожарных мер и т.д.¹. До 1937 г. существовали и Жилищно-строительные кооперативные товарищества (ЖСКТ), которые ведали строительством новых жилых домов, и восстанавливали разрушенные здания.

В период НЭПа вновь возрождается частное домовладение. Незначительная часть муниципализированных домов и квартир была возвращена прежним владельцам. Декрет ВЦИК СНК «Об условиях демунципализации домов» определил, какие строения могут быть возвращены бывшим владельцам. Это незанятые государственными и коммунальными учреждениями строения небольшой площадью², с числом от 1 до 5 квартир. Дома до 53 кв. м, имеющие не более 2–5 квартир, непригодные для Коммунальных отделов и общегосударственных нужд, денационализировались и возвращались бывшим владельцам³. 10 % демунципализированной жилой площади должны были сдаваться членам профсоюзов по фиксированной цене⁴. Это, в свою очередь, стало толчком к реанимированию товарно-денежных отношений в жилищной сфере. Жилая площадь сдавалась в аренду, продавалась и покупалась⁵. Немунципализированные жилые строения могли быть предметом купли-продажи при условии, что в руках покупателя, его супруги и несовершеннолетних детей не было двух или более владений⁶.

Пытаясь решить «жилищный вопрос», новая власть узаконила право частной застройки, которое также регламентировалось государством. Частные лица, юридические лица или кооперативы должны были заключить договор с Коммунальными отделами на 49 лет для каменных строений⁷. Под застройку запрещалось отводить участки, расположенные вблизи от городских

¹ Жилищный вопрос по законодательству РСФСР. – М., 1922. – С. 76.

² Меерович М.Г. Указ. соч. – С. 65.

³ Жилищный вопрос по законодательству РСФСР... – С. 3

⁴ Жилищный вопрос в Краснодаре // Красное знамя. –1923. – № 71. – С. 4.

⁵ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930 годы. – СПб., 1999. – URL : <http://lib.rus> (дата обращения 20.04.2021).

⁶ Гражданский кодекс. Ст. 182.

⁷ Там же. Ст. 71.

свалок, скотобоен и кладбищ¹. Приступая к застройке, граждане должны были предоставить эскиз проекта застройки, соответствующий установленным правилам и нормам, которые утверждались в Главном управлении коммунального хозяйства².

При составлении эскизного проекта должны были быть учтены следующие задачи:

- а) определено направление расширения города;
- б) установлено разделение города на районы: промышленный, торговый, административный и жилищный, каковых в городе может быть несколько;
- в) определены в черте города главнейшие пути и магистрали к вокзалам, к пристаням, торговым, промышленным и административным центрам с соответствующей их значению шириной;
- г) определены строительные районы как существующей, так и предполагаемой застройки;
- д) намечены по районам площади, общественные сады, парки, бульвары, спортивные площадки и др.;
- е) определен сельскохозяйственный район и предусмотрено удовлетворение потребностей лагерей, ферм, питомников, санаториев, городских очистных сооружений и источников водоснабжения³.

Власть строго регулировала правила частной застройки: размер участков, планировку, плотность застройки, строительные материалы, высоту зданий, коммуникации в доме и т.д. Так, при строительстве стен допускалось использовать кирпич или дерево⁴. Обязательно должны были быть проведены и коммуникации⁵.

В 1920-е гг. начался процесс формирования жилищного права в рамках, который был обусловлен рядом политических, экономических и социальных причин.

¹ Жилищное законодательство... – С. 20–21.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р374. Оп. 21. Д. 9. Л. 227.

³ Жилищный вопрос по законодательству РСФСР... – С. 15.

⁴ Жилищное законодательство... – С. 26.

⁵ Там же. – С. 33.

ПРАВО, ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПРАВОВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ: ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД

Палеха Р.Р.

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории права и государства,
Центральный филиал СКФ ФГБОУВО «РГУП»

О смысле права и его таких производных как правовое регулирование и правовое воздействие невозможно вне рамок методологического поля, создаваемого различными направлениями понимания права. Наибольший интерес представляет динамично развивающийся прогрессивный тип правового мышления, представленный интегративным правопониманием¹.

Для раскрытия теоретико-правового потенциала интегративного правопонимания представляется необходимым обратиться к общей характеристике правопонимания, как наиболее масштабной категории теории права. Анализ специальной литературы общей теории права позволяет констатировать, что категория «правопонимание», рассматривается в нескольких аспектах.

Во-первых, это проблематика, как общей теории права, так и отраслевых юридических наук, относящихся к числу «вечных» тем, отличающихся предельной абстрактностью, масштабностью и имеющих значительный теоретико-прикладной характер.

Во-вторых, это теоретико-мировоззренческая платформа, система ценностных координат конкретного исследователя (в виде индивидуального правосознания), научной школы (в виде коллективного доктринального правосознания), общества (в виде общественного правосознания), государства (в виде государственной идеологии).

В-третьих, это методологический ключ, лекало к изучению права и всей правовой и государственной действительности под

¹ См.: Канищев В.П. Интегративный подход к пониманию права как прогрессивный тип правового мышления / В.П. Канищев, Р.Р. Палеха // Вестник Воронежского института МВД России. – Воронеж, 2018. – № 2. – С. 165–170.

тем или иным углом зрения, чем в значительной степени и объясняется плюрализм мнений в области понимания права и его сущности. Направленность правопонимания конкретного исследователя зависит от различных факторов, например, таких как: научной школы, в которой профессионально социализировался исследователь; тенденций развития юридической науки и общественных наук в целом; государственной идеологии и характера классовой борьбы; личностных научных предпочтений исследователя и других факторов.

Современное отечественное правопонимание, его направленность, predetermined следующими обстоятельствами:

- традиционализм и ментальность русского народа, выражающиеся в коллективизме, коммуитаризме, соборности, стремлении к поиску правды, Божественной справедливости;

- характер государственной идеологии, цели и задачи определенные Конституцией РФ 1993 года. Прежде всего – это человекоцентристский характер политики государства и выполнение служебной роли по отношению к обществу;

- осознание Россией себя частью мирового сообщества и своей ответственности за состояние международного правопорядка. Осуществление миротворческой миссии, направленной против попрания суверенитета государств, дестабилизации устойчивости миропорядка и принижения роли ООН, как универсальной международной организации, обеспечивающей международный мир и безопасность;

- отрицательное наследие советской командно-административной системы и связанные с ней негативные деформации права (законодательство сохраняет ведомственные наслоения, право льгот и привилегий, ограничительно-запретительный облик законодательства, в законодательстве присутствует слой неправовых законов)¹;

- меняющийся тип научной рациональности, характеризующий движение от аграрного общества к информационному, от объекта к субъекту познания, что predetermined парадигму научного исследования.

¹ Борисов Г.А. Теория государства и права : учебник. – Белгород, 2008. – С. 151–152.

Состояние современного правопонимания характеризуется наличием двух его направлений – классические типы правопонимания, соответствующие классической рациональности, предполагающей теорию корреспондентской истины, то есть, поиск объективной истины вне связи с оценивающим ее субъектом исследования (например, позитивистский тип правопонимания, естественно-правовой тип правопонимания) и постклассические типы правопонимания, соответствующие постклассической рациональности, предполагающей теорию когерентной истины, то есть, неразрывное рассмотрение объекта и субъекта, не предполагающего поиска объективной истины и рассматривающий объект через призму интерпретации субъекта. Этот период характерен для постиндустриального (информационного) общества. Это, например, такие направления в правопонимании, как феноменология, герменевтика, синергетика, коммуникативная теория права¹ – теоретический и прикладной уровень исследования. Первый уровень связан с теоретическим постижением права, а второй с эмпирическим².

Представляется особенно ценным извлечь из интегративного правопонимания его регулятивный потенциал, что будет являться свидетельством воздействия правопонимания на юридическую социальную практику, следовательно, на социально-правовое благополучие конкретного человека. Так, В.В. Ершов, исследуя возможности интегративного правопонимания пришел к выводу, что данный тип правопонимания «способствует регулированию разнообразных динамически развивающихся правоотношений, защите прав и правовых интересов физических и (или) юридических лиц»³. Данное наблюдение подтверждается широким пониманием регулятивного потенциала интегративного подхода в соответствии с которым: «К формам международного

¹ Сизова Н.М. Классическое и постклассическое правопонимание: онтологические, гносеологические, аксиологические и эпистемологические критерии соотношения / Н.М. Сизова // *Философия права*. – 2014. – № 1 (62). – С. 88–91.

² Сырых В.М. *История и методология юридической науки : учебник*. – М., 2012. – С. 50–67.

³ Ершов В.В. Теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения / В.В. Ершов // *Российское правосудие*. – 2008. – № 7. – С. 4.

и российского права – однородным элементам системы форм права (международного и российского права) в Российской Федерации можно отнести основополагающие принципы международного права, международные договоры, содержащие нормы права; международные обычаи, содержащие нормы права; основополагающие принципы российского права; нормативные правовые акты, содержащие нормы права; нормативные правовые договоры, содержащие нормы права, и обычаи российского права, содержащие нормы права»¹.

Интегративное правопонимание демонстрирует значительный теоретико-правовой потенциал, выгодно отличающий его от других типов правопонимания, что проявляется в следующих позициях:

- в всестороннем и критическом изучении существующих интегративных концепций правопонимания отечественной юридической науки;

- в обосновании интегративной природы государства и права в качестве имманентно присущего свойства объективного характера данных социальных феноменов;

- в обосновании позиции, что достижение таких научных принципов как объективность, всесторонность, историзм возможны только в условиях интегративного подхода к пониманию права;

- в создании наиболее сбалансированного методологического инструментария понимания права в современной юридической науке (научно обоснованной интегративной концепции правопонимания) способной к постижению сущностных характеристик права;

- в предложении на основе научно обоснованной интегративной концепции правопонимания способов совершенствования правового регулирования в сферах правотворческой и правоприменительной деятельности;

- в обосновании постулата о том, что достижение требований законности, обоснованности и справедливости судебного решения возможно только в условиях интегративного типа правового мышления субъектов правоприменительной деятельности.

¹ Ершов В.В. Система форм права в Российской Федерации / В.В. Ершов // Российское правосудие. – 2009. – № 1. – С. 15.

Обращаясь к рассмотрению категорий «правовое регулирование» и «правовое воздействие», следует заметить, что это очень близкие по смыслу, но не совпадающие правовые явления. Если правовое воздействие представляет собой наиболее масштабное правовое явление, объединяющее арсенал всех возможных правовых средств и общесоциальных правовых явлений воздействия на общественные отношения, сознание и поведение людей, то правовое регулирование – это часть правового воздействия, выражающаяся в целенаправленном характере воздействия правовых регуляторов на общественные отношения, осуществляемая и обеспечиваемая со стороны специально управомоченных субъектов. Следует отметить, что смежная категория правовому воздействию, правовое регулирование, выступает активной формой правового воздействия и занимает в ней значительное место, поскольку большой объем правового воздействия приходится именно на данную форму и не может быть никаким образом реализован в других формах, либо компенсирован ими. Главное в правовом регулировании – это регламентация общественных отношений, то есть их целенаправленное упорядочение, которое подчинено определенному алгоритму действий, совершаемых управомоченными субъектами и связанное с правотворческой, либо правоприменительной деятельностью. Правовое же воздействие, предоставляет максимально широкие возможности по влиянию правовых средств и общесоциальных правовых явлений на общественные отношения, сознание и поведение людей и предполагает участие различных субъектов правового взаимодействия¹.

Применяя интегративный подход к предмету нашего исследования, следует обратить внимание, что он выступает эффективным теоретико-методологическим инструментарием, способным к глубокому и всестороннему анализу рассматриваемых правовых явлений.

Исходя из такого теоретико-мировоззренческого посыла понимания правового воздействия, трудно не согласиться с утвер-

¹ См.: более подробно: Беляева Г.С. Правовое воздействие и правовое регулирование: диалектика взаимосвязи / Г.С. Беляева, Р.Р. Палеха, Н.У. Ярычев // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 4. – С. 55–57.

ждением М.Ф. Орзиха, что: «Правовое воздействие выполняет роль логического синтеза категорий правообразования (так как материальная обусловленность права включает общественные отношения как потенциальный объект конечных целей воздействия), сущности и содержания права (так как они практически совпадают с содержанием воздействия), структуры права (так как структурные особенности права обуславливают организацию правовых средств воздействия). Правовое воздействие – сложная и целостная система управления формированием и деятельностью людей, которая интегрирует все механизмы социального функционирования права и связывает (прямой и обратной связью) право с его непосредственным объектом – личностью»¹.

Предложенное понимание правового воздействия сформулировано в русле интегративной методологии, основанной на междисциплинарном и синергетическом подходах, рассматривающих данное правовое явление в качестве сложного социально-правового комплекса объективно-субъективного характера, детерминированного материальными условиями жизни общества.

Наиболее важным является то, что изучение правового воздействия должно оцениваться, прежде всего, с позиции того социального результата, к которому данное правовое явление должно привести, а именно:

1) формирование устойчивого правопорядка, обеспеченного предсказуемой и сбалансированной правоприменительной практикой;

2) надежная правовая защищенность охраняемых развитой системой форм национального и международного права интересов личности, общества и государства;

3) практическая реализация удовлетворения потребностей субъектами правового общения в обладании ими материальными и духовными благами;

4) обеспечение устойчивого и поступательного развития гражданского общества и правового государства, а также создание всех необходимых и достаточных правовых условий для личности, в целях реализации ее человеческого потенциала.

Таким образом, представляется возможным заключить, что интегративный подход к пониманию права обладает неоспори-

¹ Орзих М.Ф. Право и личность. – К., Одесса, 1978. – С. 53.

мыми теоретико-правовыми преимуществами по сравнению с другими типами правопонимания, которые проявляются как в научной обоснованности исследуемого направления правового мышления, так и практической его состоятельности, выражающейся в широких, практически неисчерпаемых регулятивных возможностях, позволяющих эффективно осуществлять правовое регулирование различных сфер общественной жизни и максимально полно выражать правовые интересы различных субъектов правового взаимодействия.

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Сим А.В.

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и истории права,
государства и судебной власти,
Приволжский филиал ФГБОУВО «РГУП»

Институт прав и свобод личности является важнейшим компонентом любой правовой системы. Охрана прав и свобод личности всегда была необходима для создания благоприятных условий развития общества и государства. Поэтому есть потребность в научном анализе правовых условий осуществления деятельности государства по охране прав и свобод личности. Одним из таких условий является правовое и индивидуальное регулирование данной сферы.

Следует согласиться с высказыванием В.В. Ершова, что правовое регулирование общественных отношений без индивидуального регулирования (а равно и наоборот) теоретически невозможно, а практически контрпродуктивно¹.

¹ Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений : монография. – М. : РГУП, 2018. – С. 109.

Правовое регулирование общественных отношений – это предложение общих вариантов, моделей поведения для субъектов посредством правовых норм и иных юридических средств. Наряду с другими социальными нормами право является необходимым инструментом урегулирования общественных отношений, но при этом есть сферы, не нуждающиеся в правовом регулировании (любовь, дружба, сострадание и т.д.). Часто права и свободы человека граничат с такими сферами, поэтому право само по себе должно отвечать общим требованиям справедливости, чести, долга и иным нравственным критериям.

Индивидуальное регулирование общественных отношений – это установка конкретных целей и задач исходя из данной ситуации, требующей урегулирования извне, с предложением пути их достижения. Это, как правило, единичные случаи, которые не вписываются в рамки правового регулирования и требуют особого внимания со стороны компетентных органов. Так же, как правило, индивидуальное регулирование направлено на конкретных субъектов с их частными потребностями.

Здесь же можно выделить и саморегулирование как разновидность индивидуального регулирования общественных отношений без участия государства, т.е. самостоятельно участниками общественных отношений.

В соотношении правового и индивидуального регулирования общественных отношений можно выделить такие философские категории как «общее» и «частное» или «общее», «особенное» и «единичное». В данном случае, правовое регулирование – это «общее», а индивидуальное регулирование – это «частное», «особенное» и «единичное».

Исходя из вышеизложенного понимания данных правовых категорий, можно предложить три основных подхода к соотношению правового и индивидуального регулирования охраны прав и свобод личности.

Первый подход. Правовое регулирование охраны прав и свобод личности охватывает международно-правовое регулирование сферы прав и свобод человека. В международно-правовой сфере существуют разные формы урегулирования отношений по поводу охраны и защиты прав и свобод человека: это и заключение межгосударственных глобальных актов, таких как Всеобщая

декларация прав и человека¹, это и региональные международные акты (например, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод², Африканская хартия прав человека и народов³), это и двусторонние межгосударственные соглашения (например, Договор между Российской Федерацией и Турецкой Республикой о взаимной правовой помощи по уголовным делам и о выдаче от 01 декабря 2014 г.; Соглашение между Российской Федерацией и Королевством Бахрейн о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, от 15 декабря 2015 г.) и т.д.

Индивидуальное регулирование охраны прав и свобод личности в данном случае сводится к внутринациональной сфере регулирования прав и свобод человека, ограничивающейся законодательством и правоприменительной практикой конкретного государства. Но при этом, если государство является участником межгосударственного, международного соглашения, оно берет на себя обязательство привести внутринациональное законодательство в строгое соответствие с этими нормами или напрямую использовать международные нормы в урегулировании внутригосударственных отношений, в данном случае в сфере охраны прав и свобод личности (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ).

Второй подход. Правовое регулирование охраны прав и свобод личности распространяется на конституционный уровень регулирования сферы прав и свобод человека, закрепленный в основном законе государства – Конституции. В действующей Конституции РФ большое количество статей отведено человеку, его правам и свободам и иным интересам (ст. 2, 3, 6, 7, 8, 9, 13, Глава 2 и др.). В данном случае Конституция в обобщенном виде закрепила основу, базу правового статуса личности в России, но во многих статьях уточняется, что для более детального регулирования необходимо обращаться к отраслевому законодательству, т.к. невозможно все закрепить в тексте самой Конституции.

Поэтому, индивидуальное регулирование охраны прав и свобод личности в данном случае относится к отраслевому, межотраслевому, региональному, ведомственному и иному уровням регламентации охраны прав и свобод человека. Чаще всего к этому уровню можно отнести отраслевые кодексы (УК РФ, ГК РФ,

¹ Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948.

² Заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004).

³ Принята Организацией африканского единства 26.06.1981 в Найроби и вступила в силу в 1986 г.

СК РФ, ТК РФ и т.д.), ведущие федеральные законы и подзаконные акты, региональные и муниципальные акты в сфере прав человека. При этом они находятся в жестком соподчинении в соответствии с иерархией правовых актов РФ.

Третий подход. Правовое регулирование охраны прав и свобод личности – это нормативное закрепление правил поведения в сфере прав человека, как эталона, образца для всех в различных источниках права.

Так, например, большое значение имеет свод основных конституционных прав, свобод и обязанностей, закрепленных в главе 2 Конституции РФ. Аналогично, в каждой отрасли права содержится свой более конкретизированный перечень прав и обязанностей. Но этого недостаточно для того, чтобы предусмотреть все индивидуальные особенности каждой конкретной ситуации, да и нет цели – создать такой идеальный перечень правил поведения, так как для этого существуют возможности индивидуального регулирования в виде правоприменения специально уполномоченных органов и должностных лиц.

Общие свойства объектов правового воздействия, существенные для правового регулирования данного вида общественных отношений, должны найти отражение в норме права (как правиле общего действия). Индивидуальные же характеристики объектов отражаются на уровне правоприменения путём предоставления законом соответствующих возможностей для усмотрения правоприменителя¹.

Индивидуальное регулирование охраны прав и свобод личности в данном случае – это уже сфера правоприменительной практики с учетом конкретной жизненной ситуации, но с опорой на действующую норму права. В данном случае индивидуальное регулирование специально уполномоченных правоприменительных органов как бы корректирует и направляет развитие правового регулирования, заложенного в норме закона.

Еще в советский период отмечали, что, судебная практика играет роль обратной связи, сигнализирует о социальной эффективности правового регулирования, отражает воздействие общественных отношений на правовые нормы². Так, например, судеб-

¹ Цит. по Ершов В.В. Указ. соч. – С. 114.

² Венгеров А.Б. Роль судебной практики в развитии советского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1966. – С. 6.

ное усмотрение позволяет судье адаптировать в рамках права действующую норму под частную ситуацию рассматриваемого дела. Каждый судья, так или иначе, сталкивается с ситуацией, когда законодательство не дает однозначного и определенного ответа на тот или иной вопрос и при вынесении решения судье необходимо полагаться на собственное субъективное мировоззрение. Необходимо понимать, что отождествление категорий «свобода» и «судебное усмотрение» недопустимо в силу природы правоприменительной практики: при вынесении решения, основанного на судебном усмотрении, необходимо руководствоваться им в совокупности с юридически значимыми фактами и законодательством, носящим не только диспозитивный, но и императивный характер. Нельзя отрицать и того факта, что границы усмотрения весьма четко обозначены законом, так, например, в случае императивности определенной нормы выйти за её пределы судья не сможет в любом случае и при любом его отношении к данной норме.

Несогласие судьи с конкретной правовой нормой не дает ему права, даже полагаясь на свое усмотрение, трактовать её иначе, нежели обозначено в законе. То есть помимо прав и возможностей, судья в любом случае скован обязанностями и своим долгом. Также контроль за исполнением принципа законности проводят вышестоящие судебные инстанции, в обязанности которых входит проверка правильности и правомерности применения судами нижестоящих инстанций законов Российской Федерации.

Таким образом, следует согласиться с выводами В.В. Ершова, что принципы и нормы права, содержащиеся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализующиеся в государстве, с объективной необходимостью должны предусматривать всё богатство индивидуализированных и конкретных фактических общественных правоотношений. Однако в действительности это даже теоретически недостижимо. В связи с этим возникает необходимость в таких «компенсаторных» социальных средствах, как индивидуальное регулирование общественных отношений, и выработка в его процессе различных видов неправа¹.

Проблема взаимодействия нормативного и индивидуального правового регулирования уже давно является одной из самых ак-

¹ Ершов В.В. Указ. соч. – С. 115.

туальных и практически значимых проблем в праве. В целом можно сказать что, нормативное и индивидуальное правовое регулирование это взаимодополняющие друг друга понятия, и только при их взаимодействии можно обеспечить максимально эффективное воздействие права на общественные отношения.

Главное – это соблюсти баланс нормативного и индивидуального способа правового регулирования, то есть создать общую модель поведения, но одновременно с этим предоставить необходимую свободу субъектам права, чтобы разрешить конкретную жизненную ситуацию, с учетом всех ее обстоятельств, наиболее эффективным методом¹.

Все выше сказанное в полной мере относится и к сфере охраны прав и свобод личности как наиболее важной ценности в современном демократическом государстве. От оптимального сочетания правового и индивидуального регулирования во многом зависит успех обеспечения достойных и безопасных условий для реализации прав и свобод каждым человеком.

НАРОДОВЛАСТНЫЙ РЕСУРС В РАЗВИТИИ ПРАВОСУДИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Стус Н.В.

доктор юридических наук,
профессор кафедры
общетеоретических правовых дисциплин,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»

Статья 32 Конституции РФ предусматривает право граждан на участие в отправлении правосудия. В настоящее время в российском правосудии действует две формы такого участия – суд присяжных и арбитражные заседатели.

¹ Цит. по Минникес И.А. Вопросы взаимодействия нормативного и индивидуального правового регулирования / И.А. Минникес // Теория права. – 2009. – № 3(37). – С. 12–17.

Подсудность дел суду присяжных значительно сокращена. Дел с участием арбитражных заседателей рассматривается ничтожно малое количество. В связи с этим в статье исследуется вопрос о возможности использования других моделей участия народа в отправлении правосудия. Рассматривается вопрос о возможности введения суда народных (судебных) заседателей. Расширение возможности рассмотрения дел с участием арбитражных заседателей. Возрождение института общественных защитников и общественных обвинителей. Реформирование суда присяжных.

В соответствии с положениями ч. 1 и 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации носителем суверенитета и единственным источником власти в нашей стране является многонациональный народ.

«Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия»¹.

В настоящее время единственной хорошо известной формой участия представителей народа в осуществлении правосудия в судах общей юрисдикции является институт присяжных заседателей.

Однако, Конституция России не ограничивает возможность участия народа в отправлении правосудия только рассмотрением уголовных дел с участием коллегии присяжных заседателей, что позволяет законодателю расширить сферы привлечения к осуществлению судопроизводства на любом его этапе присяжных (народных) заседателей, а также заседателей – специалистов, какими были арбитражные заседатели.

При этом такая форма участия народных представителей может иметь место как в уголовном, так и в гражданском, административном судопроизводстве.

По мнению ряда исследователей, участие граждан в отправлении правосудия является межотраслевым принципом судопроизводства.

¹ Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ 30.12.2008 № 6-ФКЗ, 30.12.2008 № 7-ФКЗ, 05.02.2014 № 2-ФКЗ, 21.07.2014 № 11-ФКЗ, 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL : <http://pravo.gov.ru>

Участие граждан в отправлении правосудия имеет особую конституционно-правовую значимость, определяет качественные характеристики судебной власти, является основополагающим принципом отношений между демократическим государством и гражданами, представляет собой форму реализации суверенитета народа, позволяет ему непосредственно осуществлять свою власть, выполняет функцию общественного контроля над правосудием.

Принцип участия граждан в осуществлении правосудия и две формы такого участия (в качестве присяжных и арбитражных заседателей) закреплены в ст. 8 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»¹. Данное положение нашло развитие в отраслевых процессуальных законах – УПК РФ и АПК РФ, подробно регламентирующих основания, условия и порядок рассмотрения некоторых категорий дел с участием непрофессиональных судей.

Вместе с тем ни один отраслевой процессуальный кодекс, включая УПК РФ и АПК РФ, не закрепляет положение об участии граждан в осуществлении правосудия в качестве принципа соответствующего вида судопроизводства: УПК РФ подробно регулирует порядок рассмотрения дел судом с участием присяжных заседателей в специальном разделе (разд. XII), упоминая этот состав суда в главе о принципах лишь применительно к свободе оценки доказательств; АПК РФ содержит положение о рассмотрении дел в арбитражном суде первой инстанции в ст. № 17 «Единоличное и коллегиальное рассмотрение дел» и ст. № 19 «Привлечение к рассмотрению дел арбитражных заседателей»², которые находятся не в главе № 1, содержащей принципы арбитражного судопроизводства, а в главе № 2, посвященной составу суда.

С учетом конституционного характера участия народного элемента в рассмотрении и разрешении дел судом как формы

¹ См.: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Ст. 8 // СПС «Консультант-Плюс».

² См.: «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ. – С. 17–19 // СПС «КонсультантПлюс».

непосредственного народовластия данное положение имеет все основания для признания межотраслевым принципом судопроизводства.

Но для полного уяснения вопроса о необходимости привлечения представителей народа к отправлению правосудия обратимся к отечественному опыту реализации данного принципа.

Общество и его представители всегда присутствовали в отправлении правосудия. Правосудие изначально предстает как компонент общества и лишь в дальнейшем, пройдя в своем развитии библейский, общинный и другие этапы, становится компонентом государства¹.

В правосудии России представительство народа при отправлении правосудия имеет свою длительную историю. В связи с этим необходимо вспомнить суд Одрин в Новгороде.

В суде Одрин, помимо председателя, присутствовали десять заседателей: каждый конец города (а их было всего пять) избирал по одному именованному гражданину².

Кроме этого, каждая из тяжущихся сторон назначала в суд Одрин одного посредника, называемого приставом, который имел право принимать участие в судебном разбирательстве. Таким одному боярину образом, этот суд состоял из двенадцати членов и председателя. Эти заседатели, присутствующие на суде Одрин, назывались докладчиками, так как присутствовали при докладе или слушании дел. Однако имели право решающего голоса, а княжеский тиун был только выразителем их мнения³.

В последующем представительство народа осуществлялось посредством участия судных мужей и целовальников. Хотя они и не были судьями в полном смысле, но являлись «оберегателями

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М. : Издательство Мысль, 1990. – С. 53.

² Памятники русского права. – Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. / Сост. А.А. Зимин; Под ред. С.В. Юшкова. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1953. – 218 с.

³ Куницын А.П. Историческое изображение древнего судопроизводства в России – СПб. : Тип. Второго Отделения Собств. е. и. вел. канцелярии, 1843. – С. 33.

правды на суде», свидетелями, удостоверяющими своей подписью правильность и достоверность судебного протокола. При этом не могли выражать свое мнение о виновности или невиновности подсудимого.

Безусловно, наиболее значительным этапом участия выборных представителей в отправлении правосудия мы связываем с проведением судебной реформы 1864 года – введением суда присяжных.

После 1917 года суд присяжных престал действовать, сменив свое наименование на суд с участием народных заседателей.

Принятый 30 ноября 1918 года Декрет ВЦИК «О народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (положение)» в ст. 1 провозглашал, что «в пределах РСФСР учреждается единый народный суд в составе:

- 1) одного постоянного судьи;
- 2) двух или шести очередных судей народных заседателей¹.

Ст. 7 устанавливала: «Народный суд действует в составе постоянного народного судьи и шести очередных народных заседателей при рассмотрении уголовных дел: о посягательствах на человеческую жизнь, причинение тяжких ран или увечье, изнасилование, разбой, подделка денежных знаков и документов, взяточничество и спекуляция монопольными и нормированными продуктами потребления.

Декрет в ЦИК от 21 декабря 1920 года вводит в действие Положение о народном суде РСФСР и вновь подтверждает положение о шести народных заседателях².

Принятый в 1922 году УПК РСФСР закрепил положение о шести народных заседателях и в ч. 2 ст. 26 установил, что: «Преступления, предусмотренные ст. 142–150, 160–162, 166–171, 183 и 197 Уголовного кодекса, рассматриваются исключительно в составе народного судьи и шести народных заседателей»³.

Однако УПК РСФСР 1923 года уже не предусматривал рассмотрение уголовных дел в расширенной коллегии народных заседателей при рассмотрении некоторых преступлений.

¹ СУ РСФСР. № 8. Ст. 889. 1918. С. 812.

² СУ РСФСР. № 83. Ст. 407. 1920. С. 342.

³ Народный комиссариат юстиции. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. – М., 1922. – № 20–21. – С. 207.

Институт народных заседателей в гражданском судопроизводстве просуществовал до 01.02.2003 года¹, а в уголовном – до 01.01.2004 года².

Однако, упразднению института народных заседателей в гражданском процессе предшествовало введение института арбитражных заседателей. На первый взгляд, вызывает недоумение введение института, который на тот момент потерял свою значимость как форма участия представителей народа в отправлении правосудия.

Но законодатель наполнил содержание этого института новым смыслом, сформулировав в законе иные требования к арбитражным заседателям. Так, в силу п. 1 ст. 2 Федерального закона от 30 мая 2001 года № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов РФ» к ФЗ к арбитражным заседателям предъявляются следующие требования:

- достижение возраста 25 лет, но не старше 70 лет;
- безупречная репутация;
- наличие высшего образования;
- наличие не менее 5 лет стажа работы в сфере экономической, финансовой, юридической, управленческой или предпринимательской деятельности³.

Именно качественный состав арбитражных заседателей являлся важнейшей характеристикой, отличавшей их от прежних народных заседателей.

То есть, теперь народный-арбитражный заседатель – это судья – специалист в определенной сфере общественно-экономических отношений.

Очень ярко этот новый принцип отбора представителей общества для участия в отправлении правосудия охарактеризовал в

¹ См.: Федеральный закон от 14.11.2002 № 137-ФЗ «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Ст. 2 // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Федеральный закон от 18.12.2001 № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Ст. 2.1 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Федеральный закон от 30.05.2001 г. № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов РФ». Ст. 2 // СПС «КонсультантПлюс».

интернет-конференции Председатель Высшего Арбитражного Суда РФ В.Ф. Яковлев: «Штатный судья – это юрист, и не более. А ведь для того, чтобы рассмотреть сложнейший предпринимательский спор, например, в сфере банковской и кредитной деятельности, расчетной деятельности, с применением, скажем, категории ценных бумаг, надо досконально знать эту сферу отношений, с которыми в данном случае соприкасаешься. Не всегда юрист способен разобраться в тонкостях этого дела. Арбитражные заседатели – это не представители народа, не люди с улицы, а специалисты, которые должны знать соответствующее предпринимательское дело»¹.

К сожалению, в настоящее время число дел, рассматриваемых с участием арбитражных заседателей, невелико. В научной среде этот вопрос тщательно анализируется. По мнению Д.Е. Зайкова, причиной низкого уровня вовлеченности арбитражных заседателей в рассмотрение дел обусловлено несколькими причинами: внутренними противоречиями законодательства, отсутствием четкого определения категорий дел, которые могут рассматриваться с участием арбитражных заседателей, нежеланием судей арбитражных судов рассматривать дела с участием арбитражных заседателей. По его мнению, изменение ст. 19 АПК РФ в части предоставления сторонам права на рассмотрение их дела с участием арбитражных заседателей, с исключением дискреции судей по этому вопросу позволит вдохнуть новую жизнь в институт арбитражных заседателей и обеспечить участие граждан в осуществлении правосудия в арбитражных судах².

Аналогичную точку зрения высказывает Р.М. Джаваханян, анализируя статистические данные о ежегодном снижении количества дел, рассмотренных с участием арбитражных заседателей. При этом, необходима кардинальная модернизация этого института, которую необходимо начать с изменения порядка формирования и утверждения списков арбитражных заседателей, приостановления и прекращения их полномочий судами, поскольку

¹ Яковлев В.Ф. Председатель Высшего Арбитражного Суда РФ. Интернет-конференция «Новые задачи арбитражной системы России» от 18.12.2002 г. / В.Ф. Яковлев // СПС «Гарант».

² Зайков Д.Е. Статья: Институт арбитражных заседателей: современное состояние и перспективы. – М. : «Российская юстиция», 2019. – С. 55–57.

указанный порядок ставит арбитражных заседателей в зависимость от судов, препятствует формированию самостоятельной позиции по рассматриваемым делам¹.

Рассматривая вопросы отечественного опыта в реализации конституционного принципа участия народа в отправлении правосудия необходимо остановиться на переходном периоде, когда в ряде субъектов Российской Федерации уже действовал суд присяжных, но продолжал существовать институт народных заседателей.

Так, с 01 ноября 1993 года суд присяжных был учрежден в пяти субъектах Российской Федерации и еще в четырех субъектах с 01 января 1994 года. С возрождением суда присяжных на территории девяти субъектов Российской Федерации уголовное судопроизводство России изменило не только форму, но и содержание. Впервые в уголовно-процессуальный закон были включены принципы состязательности, презумпции невиновности, право не свидетельствовать против себя, исключение из судебного разбирательства доказательств, полученных с нарушением закона.

Две существовавшие на тот момент модели участия граждан в рассмотрении уголовных дел принципиальным образом отличались: присяжные заседатели принимали решение самостоятельно в совещательной комнате, а народные заседатели вместе с профессиональным судьей. Однако, введение института присяжных заседателей существенно повлияло на содержание уголовного судопроизводства в целом, заменив процесс розыскной на состязательный, наполнив новым смыслом роли государственного обвинителя и защитника.

Указанный период времени со всей очевидностью свидетельствует о возможности одновременного существования различных по своей сути форм участия граждан в отправлении правосудия в зависимости от сложности дела, уровня суда, его рассматривающего, волеизъявления обвиняемого.

¹ Джавахян Р.М. Совершенствование форм участия граждан в осуществлении правосудия как механизм конституционного преобразования судебной власти / Р.М. Джавахян // «Российский юридический журнал». – 2017. – № 2. – С. 45–54.

В настоящее время уголовные дела с участием присяжных заседателей, подсудные суду присяжных, можно разделить на несколько групп в зависимости от того, в совершении каких преступлений предъявлено обвинение.

К первой группе относятся преступления, которые направлены против неотчуждаемых основополагающих прав человека, закрепленных в Конституции РФ, таких как право на жизнь и право на свободу вне зависимости от должностного, социального, национального положения. К данным составам преступления относятся убийство (ст. 105 УК РФ); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), похищение человека при отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 126 УК РФ), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ); посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ); посягательство на жизнь государственного деятеля (ст. 277 УК РФ).

Ко второй группе относятся преступления против общественной безопасности: бандитизм (ст. 209 УК РФ), организация преступного сообщества лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210 УК РФ), угон воздушного или водного судна либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона (ч. 1–3 ст. 211 УК РФ); пиратство (ст. 227 УК РФ).

К третьей группе относятся преступления против мира и безопасности человечества, среди которых выделяются преступления, связанные с призывами к развязыванию войн (ст. 353–356, 358, ч. 1 и 2 ст. 359 УК РФ), геноцид (ст. 357), нападение на лиц и учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ).

К четвертой группе дел относятся преступления против здоровья населения и общественной нравственности, связанные с особо крупным сбытом или контрабандой наркотических средств и психотропных веществ (ч. 5 ст. 228.1 и ч. 4 ст. 229.1 УК РФ).

Приведенный анализ свидетельствует о том, что дела, отнесенные к подсудности суда присяжных немногочисленны и сложность таких дел может быть различной в зависимости от факти-

ческих обстоятельств, количественного состава обвиняемых и множественности эпизодов.

При обсуждении вопроса о расширении полномочий суда присяжных традиционно звучит мнение о громоздкости этой процедуры, трудностях при формировании коллегии присяжных, длительности процесса.

Представляется, что разрешение этого вопроса возможно с возвращением к незаслуженно отвергнутой форме участия граждан в отправлении правосудия – участием народных заседателей, которых можно назвать «судебными» заседателями. Это изменение в законе послужило бы как фактором укрепления и развития демократических основ правосудия, так и укрепило бы доверие общества к суду.

Следует также заметить, что в настоящее время не все категории лиц, которым предъявлено обвинение в совершении преступлений, подсудных суду присяжных, имеют право на рассмотрение дела таким судом. Такого права лишены несовершеннолетние обвиняемые, так как им не может быть назначено наказание в виде смертной казни и пожизненного лишения свободы. Данное положение было предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ и в Постановлении от 20.05.2014 № 16-П было указано, что «в системе действующего законодательства у лиц, совершивших преступление в возрасте до восемнадцати лет, отсутствует право на суд присяжных»¹.

В такой ситуации возможность рассмотрения дел с участием народных заседателей может быть альтернативой суду присяжных, поскольку дела в отношении несовершеннолетних представляют особую сложность, исходя из необходимости оценки всей совокупности доказательств по делу с обязательной оценкой личности обвиняемого, условий совершения преступления.

В этой связи также необходимо обратить внимание на возможность привлечения граждан к участию в рассмотрении дел в отношении несовершеннолетних в различном качестве, начиная от законного представителя, специалиста, психолога, эксперта.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20.05.2014 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей ст. 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Филимонова» // СПС «КонсультантПлюс».

Этот вопрос является предметом исследования ряда ученых. Так, В.П. Очередыко отмечает, что в различных регионах складываются различные модели внедрения ювенальных технологий. При рассмотрении ювенальных дел социальные работники и психологи представляют сведения о личностных особенностях несовершеннолетнего правонарушителя, составляют карты социально-психологического сопровождения, занимаются проведением примирительных процедур в рамках восстановительного правосудия. В Санкт-Петербурге суд при рассмотрении дел несовершеннолетних активно привлекает сотрудников правозащитных организаций и социальных служб¹.

Обсуждая вопрос о необходимости возвращения института народных заседателей в уголовное судопроизводство, хотелось бы остановиться на вопросе избрания и продлении меры пресечения единолично судьей. Ходатайство об избрании меры пресечения в виде содержания под стражей рассматривается, как правило, дежурным судьей с участием дежурного адвоката. Следовательно представляет минимум материалов в подтверждение своего ходатайства, за исключением разве только случаев задержания подозреваемого на месте совершения преступления. Результаты оперативно-розыскных мероприятий не приобщены к материалам дела. При таких обстоятельствах суд в лице единственного председательствующего судьи должен принять решение, которое в дальнейшем во многом может определить ход расследования, а иногда судьбу и саму жизнь подозреваемого. При этом необходимо учитывать нежелание судьи вступать в конфронтацию со следствием и прокуратурой, опасение коррупционных обвинений и других неблагоприятных последствий.

Помимо того, что мера пресечения избирается единолично судьей, в апелляционном порядке жалобы на постановление об избрании меры пресечения также в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом рассматриваются судьей единолично. В то время как все гражданские дела рассматриваются в апелляционном порядке коллегиально. Отдаленное по времени

¹ Очередыко В.П. Развитие форм участия граждан в отправлении правосудия в России / В.П. Очередыко // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – № 3. – С. 243–252.

кассационное рассмотрение жалобы на постановление об избрании меры пресечения в большинстве случаев не всегда является своевременным и эффективным. При этом также следует иметь в виду, что следователь вправе сам отменить или изменить избранную судом меру пресечения.

В настоящее время в наибольшей степени участие граждан в отправлении правосудия реализуется посредством суда присяжных. Но прежде, чем обсудить вопрос о проблемах современного суда присяжных в уголовном судопроизводстве, представляется актуальным исследовать вопрос возможности введения суда присяжных в гражданский процесс. Споры по этому вопросу продолжаются.

Например, по мнению Н.Д. Грибова, для повышения доверия общества к отечественной судебной системе необходимо использовать иные методы, нежели введение института народного представительства при суде. В качестве таких методов может быть использована трансляция судебных заседаний в сети Интернет, отражение деятельности судов в средствах массовой информации, улучшение механизма реализации судебных актов. В обоснование такой позиции Н.Д. Грибов ссылается на опыт зарубежных стран, незначительное количество дел, рассматриваемых с участием арбитражных заседателей в Российской Федерации¹.

Иное мнение высказывает В.И. Руднев, который утверждает, что институт народных заседателей должен быть полностью восстановлен, поскольку единоличное рассмотрение дела судьей не способствует правильности выносимых решений, участие народных представителей в уголовном судопроизводстве является действенным сдерживающим фактором для профессиональных судей. В связи с этим для достижения обоснованности и справедливости решений, принимаемых судьями, рассматривающими дела единолично, требуются дополнительные гарантии, чему могли бы в некоторой степени способствовать и народные заседатели, возможно, наиболее опытные из них².

¹ Грибов Н.Д. Модели участия граждан в осуществлении правосудия по гражданским делам / Н.Д. Грибов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 1. – С. 21–26.

² Руднев В.И. Необходимость участия народных заседателей в отправлении правосудия как гарантия реализации конституционных прав граждан / В.И. Руднев // Адвокат. – 2005. – № 8. – С. 15.

Представляется наиболее взвешенным и обоснованным подход к разрешению этого вопроса В.В. Дорошков, который считает, что потерянные в ходе предыдущих реформ связи участников судопроизводства с обществом, способствовавшие повышению правовой культуры в российском обществе, нуждаются в восстановлении. По его мнению, незаслуженно преданный забвению институт народных заседателей, состоявший в основном из трудящихся, а не пенсионеров либо чиновников, которые зачастую представляют институт современных присяжных заседателей, поскольку именно они добросовестно являются для отбора скамьи присяжных, также может быть восстановлен. Справедливо отмечено, что в связи с введением апелляционных и кассационных судов, проверяющих решение нижестоящих судов, в том числе постановленное судом с участием присяжных заседателей, выносивших вердикт по вопросам факта, не может пересматриваться вышестоящими судебными инстанциями. Тем самым без достаточных на то оснований ограничиваются пределы проверки состоявшихся по делу судебных решений¹.

Таким образом, полный отказ от иных, кроме суда присяжных, форм участия народа при отправлении правосудия вряд ли оправдан. Пассивность народных заседателей, которая часто отмечалась в оценках, не является неизменным спутником правосудия с их участием. Активность народных заседателей может быть повышена соответствующей организацией процесса, процедурой формирования корпуса народных заседателей из числа социально активных граждан, а также работой по правовому просвещению, нацеленной на повышение уровня правосознания граждан, осознание ими общественной важности роли народных судей при осуществлении правосудия.

Подводя итог по вопросу возвращения института народных заседателей в российское правосудие, необходимо отметить, что такая модель участия граждан в отправлении правосудия является традиционной, понятной и достаточно эффективной. При решении вопросов в совещательной комнате профессиональным

¹ Дорошков В.В. Современный уголовный процесс и основные направления его совершенствования / В.В. Дорошков // Мировой судья. – 2019. – № 9. – С. 3–13.

судьей и представителями народа достигим некий баланс, который позволит с наибольшей степенью вероятности принять не только законное, обоснованное, но и справедливое решение.

Участие народных заседателей в рассмотрении административных споров значительно укрепит позицию суда и в некотором смысле защитит от возможности ощущения силы «административного ресурса». Одновременно гражданин в споре с властью может рассчитывать на полную объективность состава суда, поскольку в состав его входят такие же граждане.

В настоящее время самой широко распространенной формой участия народа в отправлении правосудия является суд с участием присяжных заседателей.

Незаслуженно предана забвению такая форма участия граждан в осуществлении правосудия как участие в судебном разбирательстве общественных обвинителей и общественных защитников. В ст. 250 старого УПК РФ было предусмотрено участие этих представителей общественности (представители общественного объединения или профессионального союза. Они были наделены достаточно большим объемом прав при рассмотрении уголовных: представлять доказательства, принимать участие в их исследовании, заявлять отводы и ходатайства, участвовать в прениях.

После вступления в силу нового Уголовно-процессуального Кодекса институт общественных защитников и обвинителей претерпел столь существенные изменения, что можно говорить о фактическом упразднении этого института. Так, теперь в соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ по усмотрению суда к участию в деле может быть допущен наряду с адвокатом защитник из числа родственников обвиняемого или иных лиц, не являющихся при этом адвокатами¹.

Представляется, что возвращение в уголовное судопроизводство утраченного института общественных обвинителей и защитников не только будет новым шагом в реализации конституционного принципа участия граждан в осуществлении правосудия, но также послужит серьезным фактором в реализации права

¹ См.: «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ. – С. 49 // СПС «КонсультантПлюс».

на защиту обвиняемого, обеспечения прав потерпевших, повышения доверия к суду.

Рассматривая вопрос о допуске общественного защитника и общественного обвинителя к участию в уголовном судопроизводстве, необходимо обратить внимание на момент, когда выше-названные представители общественности могут быть допущены к участию в деле.

Общеизвестно, что при отсутствии у подозреваемого, обвиняемого, подсудимого денежных средств, а подчас по совету следователя, дознавателя к участию в деле допускают дежурного адвоката. Возможность участия общественного защитника в уголовном судопроизводстве с момента допуска адвоката значительно укрепило бы право подозреваемого, обвиняемого на защиту, исходя из того, что такого защитника он мог бы выбрать по собственному усмотрению, с учетом степени доверия указанному лицу, не будучи скован финансовым положением.

Безусловно, такая новация требует серьезной правовой регламентации, поскольку необходимо четко определить, кто может быть допущен к участию в деле в качестве общественного защитника и с каким объемом полномочий. Но эффективность этого института позволит избежать судебных ошибок с момента избрания меры пресечения и до принятия окончательного решения по делу.

Институт общественных обвинителей может стать серьезным и действенным индикатором отношения общества к совершенным преступлениям. А при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей позиция общественного обвинителя может играть серьезную роль в оценке доказательств, представляемых государственным обвинителем, которого нередко присяжные заседатели воспринимают как должностное лицо, которое действуют по приказу.

Несмотря на довольно длительную историю суда присяжных в современной России не утихают споры по поводу его необходимости. Ответом на этот вопрос стало введение суда присяжных в районных городских и гарнизонных судах.

Представляется, что, несмотря на определенные сложности формирования коллегии присяжных в небольших городах, суд

присяжных именно в такой местности, действуя от лица общества, не только осуждает или оправдывает подсудимого, но и выполняет очень важную воспитательную роль. Преступление получает публичную огласку и, соответственно, подсудимый подвергается осуждению не только со стороны государства (признание лица виновным и назначение наказания профессиональным судьей) но и осуждение со стороны общества.

Не вдаваясь в процессуальные особенности рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, все же необходимо отметить, что наибольшую сложность представляет составление вопросного листа, в котором перед присяжными ставятся не только три основных вопроса о доказанности события преступления, совершения его именно подсудимым и его виновности, но и так называемые альтернативные вопросы по различным версиям обстоятельств совершения преступления. Нередко это приводит к тому, что присяжные заседатели, не будучи профессиональными юристами, путаются в вариантах возможных ответов и правовых последствиях. Содержание вопросного листа должно быть простым и лаконичным, понятным для присяжных.

Внесение изменений в действующий уголовно-процессуальный закон в этой части позволит избежать досадных ошибок и отмены приговоров, постановленных на основании противоречивых вердиктов присяжных заседателей.

Необходимо признать, что, несмотря на наличие определенных трудностей и внутренних противоречий, суд присяжных является на сегодняшний день единственной, реальной действующей формой непосредственного участия граждан в отправлении правосудия. В связи с этим инициативы по расширению подсудности дел такому суду являются своевременными и крайне необходима их скорейшая реализация.

Статья 3, 10, 11 Конституции РФ устанавливают принципы народовластия и разделения властей. Представляется, что в различные периоды осуществления судебной реформы в современной России отсутствовал системный подход к реализации принципа народовластия в сфере судебной власти.

Но судебная реформа продолжается и прослеживаемый вектор реформирования дает основания надеяться, что народовластный ресурс будет задействован при отправлении правосудия в

полной мере, а изменения будут носить сущностный характер, направленный на дальнейшую конституционализацию судебной власти как сферы государственной деятельности.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Терентьев И.А.

кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных
и естественнонаучных дисциплин,
СКФ ФГБОУВО «РГУП»

Правовое регулирование, являясь одним из видов социальной регуляции, неотделимо от социокультурных детерминант, посредством которых культурные факторы преломляясь в правовой деятельности, оказывают влияние на организацию правовой сферы жизни людей. Вообще, рассмотрение правового регулирования через призму социокультурного основания позволяет выявить его общесоциальные характеристики, которые также важны, как специфически правовые. Надо отметить, что сегодня уже признан эвристический потенциал социокультурного подхода в анализе как правовых, так и неправовых явлений. Ведь уже в 60-х гг. XX столетия философы обосновали особую роль культурных факторов в социальной жизни. Очень кратко, но емко суть социокультурного подхода выразил П. Сорокин, который указал на неразрывную триаду личности, общества и культуры. Он подчеркивал: «Структура социокультурного взаимодействия... имеет три аспекта, неотделимых друг от друга:

- 1) личность как субъект взаимодействия;
- 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами;
- 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения.

Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других»¹.

Социокультурный подход к правовому регулированию позволяет дать анализ этому феномену через призму взаимодействия субъектов права, человеческую деятельность, обусловленную нормами и системой ценностей. Как верно подчеркивал А.С. Ахиезер, между культурой и деятельностью имеет место такая тесная связь, что всякое изменение в культуре влечет за собой изменение в содержании и структуре деятельности. «Культура... – отмечал А.С. Ахиезер, – всегда есть программа деятельности субъекта, программа следования накопленному опыту. Поэтому утрата субъектом важных аспектов накопленной культуры угрожает возможности воспроизводственной деятельности»². Но на этот аспект взаимосвязи культуры и правового регулирования, на наш взгляд, исследователи еще недостаточно обращают внимание. Это можно объяснить отчасти тем, что социокультурное пространство длительное время воспринималось просто как «данность», «фон», на котором осуществлялась социальная история. Но под влиянием постмодернизма и постструктурализма появился интерес к исследованию социокультурных факторов и последствиям их влияния на структурные элементы социальной системы. Все это привело к тому, что социокультурное пространство стало рассматриваться как неотъемлемое условие социально значимых действий, которые невозможно понять вне контекста тех смыслов, которыми наделяет их общество. Такой подход отражает объективно существующую связь между культурой и социальностью, которая обнаруживает себя в деятельности людей. Иными словами, всякое социальное действие – это сплав символического и когнитивного, обретающий специфическую форму в зависимости от сферы общественной жизни.

Отметим, что социокультурные детерминанты воздействуют, прежде всего, на эмпирическую составляющую социальной деятельности субъектов социального действия, влияя, прежде всего, на коммуникативную и институциональную стороны. При этом диалектика взаимодействия социокультурных детерминант

¹ Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. – М., 1992. – С. 218.

² Ахиезер А.С. Философские основы социокультурной теории и методологии / А.С. Ахиезер // Вопросы философии. – 2000. – № 9. – С. 30.

и социального действия такова, что через социокультурные детерминанты субъекту деятельности передаются смыслы, господствующие в культуре, а сама социальная деятельность оказывает воздействие на уточнение, преобразование и дальнейшее развитие смысла и символов в культуре.

Обращаясь к правовому регулированию, следует отметить, что являясь разновидностью социального действия, оно также испытывает влияние социокультурных детерминант, что проявляется в принятии социально приемлемых целей, соотносимых с культурными смыслами и ценностями, упорядочением общественных отношений, направленных на прогрессивное развитие общества. Учитывая, что правовое регулирование направлено на установление границ должного и возможного в поведении людей в обществе, невозможно отделить цели и способы правового регулирования от тех, которые социально приемлемы и поддерживаются гражданами в данном социокультурном пространстве. Также следует отметить, что социокультурное основание правового регулирования наряду с другими базовыми элементами утверждает и закрепляет социальную значимость этого вида социального регулирования в обществе, а правовое регулирование соответственно обеспечивает устойчивое развитие социокультурного пространства.

При этом следует также учитывать, что социокультурное основание правового регулирования направлено на обеспечение ценностного измерения правовой нормы, ее включенность в систему общечеловеческих ценностей. Социокультурное основание правового регулирования представляет собой синтез социального и культурного начал, обусловленный единством целей, направленных на прогрессивное развитие общества и всех его сфер. Пренебрежение социокультурным основанием правового регулирования способно привести к конфликту правовой нормы со всеми остальными социальными регуляторами. В тоже время, следует признать, что социокультурные детерминанты обладают достаточно гибким и мягким воздействием на правовое регулирование, создавая такую социокультурную среду, с которой субъект правового регулирования не может не считаться.

Научное издание

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы Всероссийской научно-практической конференции
«Правовое регулирование: история и современность»

(29 апреля 2021 г.)

Сборник статей

Статьи публикуются в авторской редакции

Технический редактор – А.С. Семенов
Компьютерная верстка – М.Н. Гусева
Дизайн обложки – О.Я. Фоменко

Подписано в печать 15.06.2022
Бумага «Снегурочка»
Печ. л. 6,5
Усл. печ. л. 6,1
Уч.-изд. л. 5,5

Формат 60×84 ¹/₁₆
Печать трафаретная
Изд. № 1249
Тираж 105 экз.
Заказ № 2374

ООО «Издательский Дом – Юг»
350010, г. Краснодар, ул. Зиповская 9, литер «Г», оф. 41/3
тел. +7(918) 41-50-571
e-mail: id.yug2016@gmail.com Сайт: <http://id-yug.com>